

— СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК —

— παλιπόμενον —

Валериан
Бородаевский
Посох в цвету

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Валериан Валерианович Бородаевский

А. Д. Бородаевский

Ю. А. Бугров

Владислав Александрович Резвый

И. П. Михайлова

**Посох в цвету. Собрание
стихотворений**

**Серия «Серебряный
век. Паралипоменон»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964653

Валериан Бородаевский. Посох в цвету. Собрание стихотворений:

Водолей; Москва; 2011

ISBN 978-5-91763-075-5

Аннотация

Валериан Валерианович Бородаевский (1874-1923), самобытный поэт религиозно-философского склада. В 1909 г. довольно ярко заявил о себе сборником стихотворений, вышедшим в издательстве Вяч. Иванова «Оры», но, выпустив в 1914 г. второй сборник, отошел от литературного процесса и надолго оказался забыт. Настоящее издание – первый опыт

полного собрания стихотворений Бородаевского, значительная часть которых публикуется впервые.

Содержание

Стихотворения	15
I	15
II	16
III	17
IV	18
V	19
VI	20
VII	21
VIII	22
IX	23
X	24
XI	25
XII	26
1	26
2	26
XIII	27
XIV	29
XV	31
XVI	32
XVII	33
XVIII	35
XIX	36
XX	37

XXI	38
XXII	39
XXIII	40
XXIV	41
XXV	42
XXVI	43
XXVII	44
XXVIII	45
I	45
II	45
XXIX	47
XXX	48
XXXI	49
XXXII	50
I	50
II	51
XXXIII	52
XXXIV	53
I	53
II	53
XXXV	55
XXXVI	56
XXXVII	57
XXXVIII	58
XXXIX	60
XL	61

XLI	62
XLII	63
XLIII	64
XLIV	65
XLV	66
XLVI	67
I	67
II	68
XLVII	69
XLVIII	70
XLIX	71
L	72
LI	73
LII	74
LIII	75
LIV	76
LV	77
I	77
II	78
LVI	79
LVII	80
Уединенный дол	81
Далекий берег	81
I	81
1	81
2	82

3	83
4	83
5	84
6	85
II	86
III	87
1	87
2	88
IV	88
V	90
VI	91
VII	92
VIII	93
IX	94
X	94
XI	95
XII	96
XIII	97
XIV	98
XV	99
XVI	99
XVII	100
XVIII	101
XIX	102
На лоне родимой земли	104
I	104

II	105
III	106
IV	107
V	108
VI	108
VII	109
VIII	110
IX	111
X	111
XI	112
XII	113
XIII	114
XIV	114
XV	115
XVI	116
XVII	116
XVIII	117
XIX	118
XX	118
Интимные лики	120
I	120
II	121
III	122
IV	123
V	124
VI	124

VII	125
VIII	127
Богини	128
I	128
II	129
III	130
IV	131
V	132
VI	133
VII	134
VIII	136
IX	137
X	138
XI	139
XII	139
XIII	140
XIV	141
София	143
* * *	143
Разбитое зеркало	144
I	144
II	145
III	145
IV	146
V	147
VI	148

VII	148
VIII	149
IX	151
X	151
XI	152
XII	152
XIII	153
XIV	154
XV	155
1	155
2	156
3	156
XVI	157
XVII	158
1	158
2	158
3	159
4	160
5	160
XVIII	161
Итальянская призма	163
I	163
II	164
III	164
IV	165
V	166

Он	166
Она	166
VI	167
Стихотворения, не вошедшие в основные сборники	168
Из сборника «Страстные свечи: Стансы»	168
Солнце-лира	168
* * *	169
Серенада	170
Зарница	171
Странник	172
Роза и лилия	173
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Валериан Бородаевский

Посох в цвету

Собрание стихотворений

Составление, подготовка текста и примечания *А.Д. Бородаевского, Ю.А. Бугрова, И.П. Михайловой, В.А. Резвого*

Послесловие и комментарии к воспоминаниям М.А. Бородаевской *Е.В. Глухой*

Издательство искренне благодарит *Юрия Сергеевича Коржа и Алексея Геннадьевича Малофеева* за поддержку настоящего издания

Стихотворения

Элегии, оды, идиллии

СПб, 1909

I

Вкруг колокольни обомшелой,
Где воздух так безгрешно тих,
Летают траурные стрелы
Стрижей пронзительных и злых.
Над кровью томного заката
Склоненных ив печаль светла.
И новых стрел душе не надо:
Душа все стрелы приняла.
Стрижи ватагою победной
Дочертят вещую спираль;
И, догорая, запад бледный
Отбросит пурпурную шаль.
И будут ив бездумны речи,
Как черствый ропот старика,
Когда одна стучит далече
Его дорожная клюка.

II

Ранняя обедня

Сумрак предрассветный... Буря снеговая...
Злоба вихрей бледных треплет ранний звон...
Колокол безумный бредит, обмирая,
И относит дальше взвешанных ворон.
Там, в приделе черном, засветилась свечка.
Что-то там скребется... Крыса или поп?
Протянулось дыма сизое колечко,
Замерцал глазетом позабытый гроб.
Яростная буря воеет неустанно,
Бьется в стекла церкви льдистое крыло...
И зачем так холодно? И зачем так рано?
И зачем дороги снегом замело?
Не склонится ухо к тайне позабытой.
Нагорает свечка. Вырастает гроб.
Плачет воск один на каменные плиты,
Да в дверях, простершись, молится сугроб.

III

Панихиды в синеве мерцают,
Зажжены рукой холодеющей.
Облетают, отлетают,
Те, что нежились в полдень млеющий.
Широко открытыми глазами
Смотрят в поле окна пустынные.
Над полями, над прудами
Нити тонкие, паутинные.
Паркой срезаны жизни скромные,
И концы их лаской светятся...
На кресты садятся темные,
Над могилой хотелось бы встретиться.

IV

Слышу я тихие стуки,
Стуки ночные в стены...
Слабые, милые руки,
Земли вас опутали плены.
Бьете, как сторож в доску,
Черствое сердце мягчите.
Выманить надо ль вам слезку?
Тайную ль встречу сулите?
Глохнут залетные звуки...
Вот и совсем замолчали...
Милые, белые руки,
Видно, вы путы порвали!

V

Свидание

В тайне рассвета, бела, недвижима,
Ризой, как облаком легким, одета,
Мертвая, – ты мне явилась, томима,
В тайне рассвета.

Ты мне сияла лучом искупленья.
Сердце тревожилось и трепетало...
Но, побеждая земное смятенье,
Ты мне сияла.

Светлой мечтою промчалась ты мимо.
Сумрак, серея, навис надо мною...
Тихо; лишь сердце, как арфа, томимо
Светлой мечтою.

VI

Маскарад любите погребальный!
Да живет, как легкое вино,
Этот блеск цилиндров триумфальный,
Строй коней под черным домино, —
Фонари, повязанные крепом,
Длинный гроб, где кто-то, притаясь,
В этом фарсе, милом и нелепом,
Мертвеца играет, не смеясь!
Хороши под балдахином дроги
И цветы из ласковых теплиц,
И зеленый ельник по дороге,
И слеза на выгибе ресниц...
И люблю, когда, со мной равняясь,
Подмигнет он радости моей.
Я молчу... Я тайно улыбаюсь
Черным маскам ряженных коней.

VII

Рассветало. Моросило.
Нахлобучив капюшон,
Ночь угрюмо опочила.
И, в умершую влюблен,
Застонал последний сон.
А по улице печальной
Побледневшие спешили
Вереницей погребальной:
— Ночь, тебя мы обнажили,
Миром сладостным омыли.
Ты ушла с заклятой тайной! —
Под зонтами, вереницей
Шли за черной колесницей.

VIII

Печаль опустошенной, затихающей души,
Где свет, словно в чаще, что расчистил топор.
Склоненные колени у последней межи,
Широкая улыбка, туманный взор.
Обнять, простить хотелось бы, обласкать ножи убийц,
Презрительной любовью одарить врагов: —
Так Цезарь, в плащ закутанный, поверженный ниц,
Торжественно вступал в обитель богов.

IX

Нынче Горе мое нарядилось,
Надевало бальное платье;
Духами смеясь окропилось,
У зеркал примеряло запястья.
Нынче, Горе, твои именины.
Будет бал, торжествен и светел.
В алом – дамы; в черном – мужчины.
Я гостей улыбками встретил.
В нежном танце тебя закружу я,
Потону в твоём огненном взоре.
Как хочу твоего поцелуя,
Как люблю тебя нынче, Горе!

X

Хожу меж обугленных балок
Пожарища веси моей.
Сам себе странен и жалок,
Пепел собираю,
На ветер гудящий бросаю,
И солнце сквозь пепел страшной.
О, как пламенело, как жгло ты,
Блаженство багряных орлов!
Сладость твоей позолоты
Век не изжить!
Той изгари едкой вовек не избыть
Всея дружбе холодных ветров.
Но траурной ризы не сброшу.
Влеку этот длинный
Шлейф, как бесценную ношу.
Пепел собираю,
Над пашней разрытой бросаю:
Взойди, воскрешенный, забвенный, старинный!

XI

Пир

Зеленые, хитрые волны, со мной не лукавьте,
Честных объятий хочу я, старый пловец.
Мчите от берега прочь, песней забавьте.
Вокруг головы оплетите зеленый венец.
Вспененные гряды и зыби – морское похмелье!
Тело, что бури ковали, не нужно земле.
Акулы, акулы, любил я ваш плеск и веселье
В холодной, глубинной, зеленой, колдующей мгле.
Вы, белые чайки, отраден ваш лет замедленный,
Склонитесь, приникните ближе к холодным губам!
Акулы и чайки, на пир! Кудрявой короной
Увенчанный друг потрясает свой кубок червонный,
Где горькая кровь, что кипела по дальним морям.

XII

Степные вихри

1

Глянь: как лезвие, остер
Край земли.
Мчится всадник, буйн и скор,
Там вдали.
Мчится он по лезвию
Все кругом:
Обскакал бы жизнь мою
На лихом!
Я спешу наперерез...
Я – все здесь. Он – все там!
Дух чудес,
Заверть, вьется по степям...

2

Там, в далекой дали,
Перерезаны жилы мои.

Я не вижу, не знаю,
Только чую, —
Истекаю
Там вдали, за тридевять земель...
На смертельную рану мою
Я скачу посмотреть.
Ошалелые тройки гублю, —
И кого мне жалеть?
На смертельную рану мою —
Там вдали – посмотреть!
– Этих вражьих равнин
Неоглядную рать
Отрази, паладин,
Научись побеждать!
Мчатся кони на смерть,
Пена снегом валит.
Одинокая жердь,
Угрожая, стоит —
Там вдали...

XIII

Карета

Ах, карета, что еле плетется,
Ослабевшими дверцами машет!
Улица грубо смеется,

Ветер пронзительный пашет...
Голубая обивка слиняла,
И герб облупился древний.
Ты везла меня, дребезжала,
Подпевала душе моей гневной.
Там гуляла любезная сердцу,
Поджидала приезд желанный.
Распахну скрипучую дверцу,
И войдет с улыбкой венчанной.
Повернут, шатаяся, клячи,
Посвистит толпа, провожая —
Потому, что не могут иначе:
Мы простим, всех простим, дорогая.
Не поедem в наследственный терем,
Распряжем коней, спустим шторы —
И в мечту свою пылко поверим,
И сплетем своих снов узоры.
А наутро покинем карету;
Как бродяга, встал день, беззаботен...
Разнесем наше счастье по свету
Под шарманку у всех подворотен.

XIV

Ноктурно

Я тень зову, я жду Леилы.
Пушкин

Ко мне в жемчужнице, на черных лебедях,
Плывешь, любимая, и простираешь длани,
С глазами нежной и безумной лани
И розой в смольных волосах.
Тоскуя ждешь, да примет берег мой
Твою ладью и спутников прилежных.
Два черных лебедя у камней прибережных
Плывут торжественной четой.
И камни острые вонзаются им в грудь!
И перья черные развеяны ветрами.
Расширенный мятежными зыбями,
Влечется алый, алый путь...
Ко мне в жемчужнице, на черных лебедях,
Плывешь, любимая, и простираешь длани,
С глазами нежной и безумной лани
И розой в смольных волосах.
Как недвижимый страж, замерший на часах,
Я жду, когда, медлительно и строго,
Снесут тебя до бедного порога,
Подъяв на траурных крылах.

И слезы на обветренных глазах
Туманят даль; и пенистые гряды
Растут, гремят, вздымаются в громады,
Изнемогая на камнях.
Тоскуя ждешь, да примет берег мой
Твою ладью и спутников прилежных.
Два черных лебедя у камней прибережных
Плывут торжественной четой.
Твои глаза поднимаются с мольбой,
И видишь ты угрюмые теснины...
И воют волны с яростью звериной,
И брызжут пеной снеговой.
Воздвигнуты над грозною волной,
Презрев истому, лебеди стремятся, —
Но скалы хмурые навстречу им толпятся
Неколебимою стеной.
И камни острые вонзаются им в грудь!
И перья черные развеяны ветрами.
Расширенный мятежными зыбями,
Влечется алый, алый путь...

XV

Ад

Певучим голоском, колебля тощий посох,
Про муки адские рассказывал монах...
Пел соловей о монастырских розах;
Лучилась звездочка в березовых ветвях,
Дремотно зыблющих сережки и листочки;
И, охмелев, неслись янтарные хрущи...
— «Так сбудется от строчки и до строчки:
Возьмут тебя в каленые клещи»...
И, вскинув посох, сумрачный, грозитя.
Замолк; потупился: «Вот так-то, милый брат!»
И теребит плачевную косицу.
— «И подлинно... Уж если ад, так ад —
Пунцовый, с бесами и серными парами!...»
О, звезды нежные! Влюбленный соловей!
И пусть она придет, с губящими глазами,
И этот ад сожжет меня скорей!

XVI

Вижу там, в багреце заходящих лучей,
Паучок раскачался на нити своей.
– Золотая березка, ты удержишь меня?
– Ты закинешь повыше, – повыше меня?
Мимо мошек огнистых летит, упоен,
Как они – окрылен, как они – озарен.
И на ветер пустил хитроумную сеть.
Не беда ведь осенним деньком поговеть!
– Золотая березка, ты вскинешь меня?
– Золотая березка, ты любишь меня?
В багреце заходящих холодных лучей
Ты проходишь, шурша вдоль пустынных аллей.
Вот замедлишь. И глянешь... И сумрачный взгляд
Изольет в мою душу томительный яд.
Вырвут слабый, восторженно-жалобный крик
Эти красные губы и каменный лик.
– Золотая березка, ты примешь меня?
– Золотая березка, ты любишь меня?

XVII

Я пронжу, пронжу иглой
Сердце куклы восковой.
– Жарко, сердце, загорись,
Разорвись! —
Много дней и много лет
Целовал я милый след.
– Оглянись ко мне, – шептал,
Умолял.
В тихой комнате моей,
Непреклонный чародей,
Ныне я колю иглой
Сердце куклы восковой.
– Жарко, сердце, загорись,
Разорвись! —
Неподкупная игла
Так светла...
Вот, ты здесь, в моих руках,
Воском таешь... Смертный страх
Здесь со мной, дрожит во мне:
«Я в огне.
Приголубь больную грудь,
Осени на смертный путь...»
Сердце куклы восковой
Под иглой.
– Здесь я, здесь, твой верный друг,

Обвожу заклятый круг
И в дыхании тайных чар
Шлю тебе мой лучший дар:
– Сердце, сердце, разожгись,
Разорвись! —
Неподкупная игла —
Как стрела.

XVIII

Он нашел тебя, овца заблудшая, —
Не пугайся солнечного взгляда.
Для Него теперь ты – лучшая,
Ты – царица белого стада.
Забудь об оврагах глубоких,
Где нога твоя тайно скользила.
О ночах забудь темнооких
И о тех, кого ты любила.
Отдыхая на росистых травах,
Говори с цветами голубыми;
Но молчи про злую правду правых —
Ты, греховная, взнесенная над ними.

XIX

Кругом – одна лазурь. Прозрачен небосклон.
Трепещет речка в искрах золотистых.
Раскинулись ковры подснежников звездистых,
И слышен зябликов задорный перезвон.
Березки белые, как дружные сестрицы,
Лепечут что-то... Трудно их понять!
Высоко надо мной едва-едва видать
Последних журавлей отсталые станицы...
Праматерь смуглая, благослови меня!
Я – сердце, полное терзаний
Неутолимого огня.
Я – блудный сын среди твоих созданий.
Я только блудный сын, – благослови меня!

XX

Вячеславу Иванову

Над пустынными полями видится
В облачках серебристая лестница.
До меня ли Любовь унижится?
Ты ли, Крепкий, грядешь из-за месяца?
Через грудь мою руки скрещаются,
Я вступаю на путь неизведанный, —
И ступени так томно качаются
Под пятой, землистому преданной.
От низин задымились туманы,
Голубые с алыми отливами.
Чей-то смех прозвенел так странно.
Белый образ под черными ивами.
Устоишь ли, воздушная лестница?
Отойдешь ли, чудо недостойному?
Серый зверь притаился у месяца.
В очи смотрит небесному Воину.

XXI

Страстные свечи

Отвращайте свечами страстными
Тучу белую, тяжелую градом.
Призывайте Господне имя:
Смилуйся, Пастырь, над стадом!
Синеалых молний изломы
Плещут крыльями, как гневные птицы.
Прогремят многотрубные громы,
Долу велят склониться.
И презрительно туча минует,
Взыскупя нив не заклых,
Где сожгли уже свечку страстную
В темных, пугливых хатах.

XXII

Напрасно

Колючей молнией венчанное Чело
Точило кровь с высот... Печальный, тихий дождь
Багрил поля. Сквозь желоба несло
Рубинную струю. И мы зывали: «Вождь!
Божественная жертва! За тобой
Все потечем... Незреченный час!
Покинем очаги и бледною толпой
Все устремимся на призывный глас!»
Пролился тихий дождь. И огненный закат
На клочьях сизых туч гневливо трепетал,
И сладкий свет надоблачных лампад
Блеснул – и ночь сошла... И каждый засыпал!
А поутру докучный, белый свет,
Как бич, сгонял к заботам и трудам.
И дню угасшему мы говорили: «Нет!
Ты был ли? Нет! Как верить облакам?»

XXIII

Сораспятые

Горькая складка скривила уста.
Кровь пролилась на ланиты.
– «Если Ты – Бог, сойди со креста!
С нами вместе сойди Ты»...
Мертвенно тело на древе, – в ночи
Руки так бледны, так хилы.
Слабо у Лика струятся лучи;
Тлея, мерцают, унылы.
– «Ветру ли славу Твою унести?
Ночь ли украдет победу?
Вместе по крестному шли мы пути, —
Ты не поможешь соседу?
Или погибнем, пройдем без следа?
Будут злодейства – забыты?
Если Ты – Бог, сойди со креста!
С нами вместе сойди Ты!»

XXIV

Эолова арфа

Ты, да ветер, да арфа эолова
На столбе, в голубой вышине.
Тяжко дремлется... Мало веселого!
Как в горячечном пышет огне
Изнемогшая степь. Трескотание
Замирает усталых цикад.
И растет, искушая, стенание,
Оловянные петли звенят...
Через степь, через степь дымносерую
Преклоняется нудный быльняк...
Нынче горестно в Господа верую:
Нынче Бог – будто тот же бедняк.
На крыльце прикорнул Он у хижины,
Загляделся в бесплодную степь...
И, к Предвечному странно приближены,
Все влекут бесконечную цепь:
Ты, да ветер, да арфа эолова...
Ах, уснуть бы, уснуть... Не могу!
Затомила коробка из олова:
Топором бы хватил по столбу!

XXV

В недрах

Плесень по сводам, осклизлые стены.
И рудокоп, ночью и днем,
С чахлым огнем,
Вянушим, тающим, — в долгие смены
Медленным мерно стучит молотком...
Кони понурые вдоль галереи
Гулко катят груды камней.
Окрики: гей!
Плавно дрожат седоватые шеи,
Вислые губы темничных коней.
Словно над гробом, поют молотками...
Слышишь удар? То динамит
Скалы громит.
Цепи тележек бегут за конями.
Снова и снова гремит и гремит.
Мнится, рассядет утроба земная.
Дух заняло... В глубях земли —
В желтой пыли —
Скорбные тени, огнями качая,
Двигутся, движутся. Мимо. Прошли...

XXVI

В музее

Зародыши людей! примите мой привет,
Бессмертные в спирту, меж кукол восковых,
Желудком пьяницы (что тоже много лет
Черпал бессмертие из чарок огневых) —
И слепком гнусных язв, карающих порок!..
Зародыши людей! я знаю: ваша пыль
Мрачит лазурный день, и сточных труб поток
Подземной Летой мчит неявленную быль...
Миры планетные, безумною пятой
Низринутые в мрак и хаос сил слепых!
Здесь, рядом с женщиной, сообщницей больной,
Я вас приветствую меж кукол восковых.

XXVII

колеса

*И колеса кругом были полны очей.
Иезекиил, X, 12*

Сон молнийный духовидца
Жаждет выявиться миру.
О, безмысленные лица!
О, разумные колеса!
Ткут червонную порфиру.
Серо-бледны, смотрят косо.
И под гул я строю лиру...
За ударом мчатся нити.
И на лицах нет вопроса,
И не скажут об обиде.
И зубчатые колеса
Поцелуев вязких ищут.
На железный бег смотрите!
Челноки, как бесы, рыщут.
Напевая дикой прыти,
Свиристит стальная птица.
Рычаги, качаясь, свищут.
Реют крылья духовидца.

XXVIII

Да и нет

В. В. Розанову

I

Художник, женщина и солнце! Вам дано
Родить... Вы матери, о Трое!
Художник, кисть твоя! Вот солнце золотое,
Освободясь от туч, ударило в окно.
Покров упал. Сияньем залита,
Нагая плоть безгрешна, как мечта.

II

Вглядись во мрак, печальный богомаз.
Кто здесь с тобой средь кельи омертвелой?
Бросай же камнем в этот призрак белый!
Но ты в смятении... – не отводишь глаз
И руки тянешь к ней – и только лишь
«Будь проклята» молитвенно гласишь.

XXIX

Зову тебя в воды хрустальные,
К безгрешным объятьям маню.
Засмотрятся ивы печальные
На белую тайну твою.
Ты в брызгах идешь, окропленная,
И ты высока под луной,
Навстречу любви устремленная,
Подхвачена синей волной.
Плывем мы, как духи бесплотные.
И ты далека – в глубине.
Гляди – огонечки болотные
Кивают нам, будто во сне.
И ластились руки воздушные...
И был неподкупен хрусталь...
А страсти, как дети послушные,
Глубоко таили печаль.

XXX

Явлен знак. На персях напишу я:
— Ты моя. Не быть тебе с другим. —
И запястьем окружу десную,
Пламенеющим, тройным.
Кандалы любви, свяжите ноги,
Чтоб измене жало разрубить.
И ключами зазвоню я, строгий, —
У темницы любо мне бродить.
Ты жива ли, умерла ль, не знаю.
Стон ли то, иль капля с потолка?
Цепь ключей к губам я прижимаю,
Грудь сжигает сладкая тоска...
Нет! О, нет! К себе тебя ревную!
Пусть ключи летят в туман морской...
Как на грудь, паду на дверь стальную...
Слышишь плача смертного прибор?
Это я. Мой череп о засовы
Бьется, бледный, а в руках дрожит
Связка роз, и мой костяк суровый
Страсть твою, как прежде, сторожит.
Через скважину проникнут взоры
Двух орбит, где ночи глубина...
Но в мой дух, что передвинет горы,
Верю — ты на вечность влюблена.

XXXI

Искусителю

Печать Антихриста – червонная звезда —
Горит на лбу твоём, возвышенном и ясном.
И луч певуч, и поднята мечта
Глаголом пышно-сладоострастным.
– «Ко мне, ко мне – в запечатленный круг.
Наш легок пляс, а губы – язвы неги.
Мой миг велик, и нет разлук и мук
Тому, кто смел в последнем беге». —
Соблазны древние! О, памяти моей
Полуистертые, разбитые скрижали...
И зов веков, и вещей змей страстей, —
Завитые, скользящие спирали.
Печать Антихриста! Иуда! Страшный суд!
Все та же ты, – икона Византии.
Но ярче твой огонь. – Сердца куют и жгут...
О, мудрецы!.. Рабы глухонемые!

XXXII

Маги

I

Мы – цари. Жезлом державным
Крепко выи пригибаем
Своенравным.
Нашей воле двигать звенья
Цепи мира вправо, влево —
Наслаждение.
Корабли несут нам дани:
Амбру, золото и пурпур.
Взмах лишь длани —
Мерно в бубны ударяя,
Хор плясуний легких вьется...
Девой рая
Будет та, что перст укажет:
Улыбнется
И к ногам владыки ляжет.

II

Мы – цари. В венцах, с жезлами
Мы идем в пустыню грезить
Под звездами.
И столицу забываем,
Забываем блеск престольный
И внимаем
Речи праведных созвездий,
Головой склоняясь на камень:
Нет в них лести!..
Там короной драгоценной
Из ключей черпаем воду —
Дар бесценный.
И, торжественные маги,
Пьем свободу,
Как забвенные бродяги.

XXXIII

Барельеф

Пока на льва Сарданапал
С копьем в руках и рдяным оком,
Напрягши мышцы, наступал,
И зверь кидался и стонал
И падал, пораженный роком, —
В опочивальне смутных грез
Царица тихо распускала,
Как знамя грусти, траур кос
И чаши увлажненных роз
К грудям пылающим склоняла...
Далекий рев! Предсмертный рев!
И плеск, и буйствеинные клики...
Но неподвижен и суров,
Подъят над спинами рабов
Чернобородый лик владыки.
Внесли... Поникни головой,
Склонись, поздравь царя с победой,
Да примет кубок золотой, —
И пурпур губ его отведай,
Закрывшись бледною фатой.

XXXIV

Херувимы

I

Херувимы Ассирии, быки крылатые,
Бородатые,
Возникают из пыли веков.
Железо лопаты, как резец ваятеля,
Чародателя,
Возрождает забвенных богов.
Херувимы крылатые – камень питания
Высшего знания, —
Из пыли веков
Двинулись ратью на новых богов.

II

Вашу правду несете вы, пращуры древние,
Херувимы Ассирии,
Ответ человека на пламенный зов Божества.
Был час – и на камне

Почила Рука и руку искала:

Вы – встреча двух дланей,

Вы – их пожатье.

Привет вам, быки круторогие,

С лицом человечески-хмурым грядите!

XXXV

Сфинкс

Каменным когтем на грудь наступил.
Шествовал мимо и, грузной стопой
Тронув, свалил.
Орошались уста ярко-рдяной струей:
Сфинкс проходил.
Шествовал мимо божественный зверь,
Белые очи в безбрежность ушли.
Лапой смахнул, – и в кровавой пыли
Пал я теперь.
Белые очи в глубинах скользят,
Поднят к далеким и чуждым мирам
Льдистый их взгляд.
Лапы по теплым ступают грудям,
Кости хрустят.
Лапы по рдяным ступают цветам.
Тронули, – вот под пятой я расцвел...
Сфинкс, устремляясь к безбрежным векам,
Мимо прошел.

XXXVI

Я холоден

О, если бы ты был холоден или горяч!
Апокалипсис, гл. 3, 15

Отверзи мне двери, те, что я не открыл —
Оттого, что заржавели петли, — не было сил.
Заржавели петли от холодных дождей...
От людей, что Ты дал мне, — от слез людей!
Людей, что Ты дал мне, — я их не любил.
Из сладостной Книги был ближний мне мил.
Из сладостной Книги я много читал.
Мне за это отверзи. Я устал...
Душа моя — льдина, до костей я застыл.
Открой хоть за то мне, что я не открыл!

XXXVII

С дороги

Белый храм родной моей деревни,
Я любил тебя – издалека.
Забелеешь – бубенцы напевней,
И прошла дорожная тоска.
Ранним мартом, меж туманов сизых,
Мне подснежник грезился в тебе,
Что раскрылся, как весенний вызов,
Беззаботно брошенный судьбе.
А дорога прилипала к спицам,
Чтобы миг желанный оттянуть,
Чтобы счастья drobные крупницы
Вихрем встреч бездумно не смахнуть.
Поворот. Резвее скачут кони.
Рига. Сад. И дом за ним родной.
А уж храм забыт на тихом склоне,
Как цветок, оборванный рукой.

XXXVIII

Тоска

Вот он, старинный зал, где фикусы все те же,
Так неизменны под кривым ножом, —
(Десятки лет он им вершины режет).
Вот он, старинный зал, где бегал я мальцом
С квадрата на квадрат паркетный вперепрыжку...
Воцненный пол скользил под резвою ногой,
И, стульев чопорных наруша строгий строй,
Здесь с братьями играл я в кошку-мышку,
Но чаще с бледной маленькой Тоской.
Она была — как кукла восковая,
Невелика. И в локонах. С лицом
Неизъяснимо сладким. Золотая
Коронка высилась над выпуклым челом, —
Челом упрямыцы... И, правда, ты упряма
Была, и нудила: «Играй со мной. С одной.
О них не думай... Будь для них — немой.
Засохнут фикусы. Остынет папа, мама.
Изменят братья. — Но всегда ты мой». —
И крепко, крепко шею обнимали
Мне ручки тонкие. И больно было мне,
И радостно. И в горле замирали
Рыдания бурные... И мчались мы по зале!..
И поздно, ввечеру, при сладостной луне,

Я крался с ней по дремлющим покоем.
Звенел хрусталь в шандалах голубых.
От жардиньерок розой и левкоем
Тянуло слабо... И в ушах моих
Был шепот тихий. В тайную беседу
Вступали мы. Хотелось воскресить
Забывтый мир... крылатую планету,
Где можно, не стыдясь, обнять, любить...
И тени фикусов тянулись по паркету.
Вот он, все тот же, мой старинный зал,
Где фикусы по кадкам, точно мумий
Иссохший ряд... Где я с тобой играл!
Ты подросла, Тоска... Темнее и угрюмей
Твои глаза. Но так же и теперь
Желанна ты, и мне не изменила.
Я на балкон открыл широко дверь...
Луна высокая и белая царила
Над елями... Как прежде, так теперь!
И те же ветхие, бестрепетные ели
С крестообразными вершинками у звезд...
Как будто мимо годы пролетели,
Как будто мало град, и снег, и бремя гнезд
Над мшистыми ветвями тяготели...

XXXIX

Мяч

Давно-давно, в беспечной суматохе
Ребячьих игр, кружась меж детей,
Лиловым вечером плененных тополей
Ловил я тайные, прерывистые вздохи.
Их тень, как исполин, бежала на меня
И падала к ногам, как исполин сраженный!
И вдруг глаза мои слезою затаенной
Туманились. Дыхание огня
Чела касалось. Я игры шумливой
Законы строгие внезапно забывал,
И мимо рук моих далече улетал
Свистящий мяч... Я слышу переливы
Дразнящих голосов, и смеха яркий звук
Бесславное мое венчает поражение!..
И жалко было тех, но смутное томленье,
Как первый вестник отдаленных мук,
Хватало сердце тонкими когтями...
О, глупый, старый мяч! Игра сплетенных воль!
Не бреди ребяческую боль:
Ты пролетишь над праздными руками!

XL

Возле елки

В шумной зале, где играли
Возле елки освещенной, —
Как дриада, в чаще сада,
Меж ветвей смеялась Нелли.
Мы глядели, как блестели
Золоченые орехи,
И глазами, что огнями,
Обожгли друг другу сердце.
Вся краснея и робея,
«Навсегда!» — она сказала.
Это слово было ново
«Навсегда!» — я ей ответил.
И, с улыбкой, вдруг, ошибкой,
Мы устами повстречались...
А вокруг елки были толки,
Что... играть мы не умеем.

XLI

М.Б.

Мы носились на гигантах.
Мы кружили до усталости.
В ваших косах, в ваших бантах
Были зовы сладкой алости.
Эти косы, эти змеи, —
Две змеи в игре стремительной, —
Разбегались все смелее,
Заплетались упоительней.
С обнаженными ногами,
Нежным хохотом дразнящие,
Два амура между нами,
На одном кресте висящие,
В синем бархате витали,
Златокудрые, воздушные...
Отдаляли и сближали
И свергались, простодушные.
И гвоздик кровавых гряды
Замутились, благовонные.
И не знали мы, что взгляды
Наши встретились — влюбленные.

XLII

На пасхе

«Христос воскрес!» – Потупилась она.
Зардела вся, как утренняя зорька...
Но неотступен он, и – сладко или горько, —
«Воистину» пролепетать должна.
Уста сомкнулись в грезе поцелуя.
И думают...
Она по-своему: «зачем
Когда я жажду слов, он, как заклятый, нем?
Он имени Любви не произносит всуе...
Он ждет... Чего? Я понимать должна:
Страшит грядущее... Но как бы я любила!
Я сердца первоцвет, как тайну, сохранила...»
А он по-своему: «мила, но холодна».

XLIII

Божья коровка

«Лети туда, где суженый живет!»
Шепнула ты, – и божия коровка
По белым пальчикам забегала неловко.
Мигнула, поднялась... Слежу ее полет.
Над синевой реки чуть видная краснеет.
Слабеют крылышки... Она не долетит!
Твой взор, насмешливый и ласковый, горит,
И ветерок кудрями тихо веет...
За ней, за ней летят твои мечты,
Ты счастья ждешь. – А божия коровка
Уж тонет... Грустно мне. Но радостно плутовка
Смеется, светлая: «как легковерен ты!»

XLIV

Встреча

В стекла кареты твоей заглянули
Солнцеподобные желтые лики
И, лепестками качая, кивнули, —
И на шелку перекинулись блики.
Ты пробудилась, ты вздрогнула. Мигом
Окна спустила и поле вдыхала...
И, отвечая подсолнечным ликам,
Белым платочком приветно махала.
Встретилась в тряской телеге молодка.
Барышню мимо, дивясь, пропустила.
Стан над подсолнухом выгнулся четко.
Желтую голову ловко сломила.

XLV

Наши тени на снегах
Закачались, закивали.
Месяц – в бледных кружевах
Лик утонченной печали.
По межам бурьян горит
Переливными огнями;
Вдалеке как бы висит
Лес застывшими клубами.
Мы восходим на бугор,
Где сугроб завился башней.
Продолжаем разговор —
Неоконченный вчерашний.
Месяц в тонких кружевах
Мудрый череп преклоняет,
И признание на губах
Так красиво замерзает.
И когда мы разошлись
Каждый с чуждыми мечтами,
Наши тени обнялись
И кружились над снегами...

XLVI

Старые девушки

I

Повесть немая о тягостной страде
Жалко загубленных дней —
Осеребренные белые пряди
В пышной прическе твоей.
Выпала чаша из рук золотая
И, убегая, звенит...
В дрожи пугливой руки прочитаю:
«Кто позабыл – позабыт».
Тайны коснусь я, тревожный и чуткий;
Что не прочту – допоют
Голуби пленные с пестрою грудкой, —
Девичьей спальни уют.
Жгучей пустыней Египта святого
Вспоена горькая трель.
Нежно воркуют, – и тайна бывшего —
Как золотая свирель.

II

Ты любила стихи и была горбатая.
Были резкие тени на желтом лице.
И часто мечтала ты, с тайной усладою,
О бале блестящем и жемчужном венце.
Ты днем закрывала ставень скрипучий,
Жалобно читала, запрокинув чело;
Вдруг голос твой крепнул и лился так жгуче,
И рука поднималась, дрожа как крыло.
А мы шли к окошку подсмотреть, поглумиться,
Ловили сквозь щели обезумевший глаз...
Но все же ты пленной казалась царицей,
И наш смех срывался, фальшивил и гас.
И, бывало, мы видели в ночи грозóвые —
Появлялась ты белая на ветхом крыльце;
И казалось: ты вышла под зарницы лиловые
С блестящего бала в жемчужном венце.

XLVII

Номер тринадцатый – наша каюта:
Нам хорошо, но и жутко...
Мы так смеемся, так веселы, будто
Вовсе лишились рассудка.
Мы обручальные кольца снимали,
Надписи в кольцах читали;
В бледном, тревожном раздумьи смолкали,
Мысли, как чайки, летали...
Вышли на палубу. Ветер порывом
Рвал наши речи на клочья.
Белый платок в исступленьи красивом...
Плакали синие очи.
Ждали отрады... великого чуда!
Волны все выше вставали.
– Номер тринадцатый ваша каюта, —
Пенясь, нам злые бросали.

XLVIII

Мышь ворвалась к нам летучая,
К белому платью заманена...
Вот и дождался я случая:
Жутью ты в сердце ужалена!
Звякнет у люстры... По зеркалу
Вдруг соскользнет – и замечется!
В сумраке сладостно меркнуло
Белое платье прелестницы.
Низко над грудью взволнованной
Цепкие крылья проносятся...
Сердце забьется по-новому, —
К новому сердце запросится!

XLIX

У себя

Я не знаю лучшего:
Сумрак голубой,
Лунный трепет Тютчева
Льется под рукой;
Золотыми косами
Заплело окно;
И шумит березами
Ветер про одно, —
Про одно, забытое,
Что нельзя забыть,
Про одно, изжитое,
Что нельзя изжить...
И ласкаю пальцами
Лунные листы.
И в тени за пальцами
Улыбнешься ты.

Л Голубятник

Когда в закатный час, к лазури,
Над сизой головой твоей,
Ты бросишь к небу голубей
И смотришь вверх, глаза сощура,
На осветленный хоровод,
А с колоколен позлащенных,
Как в медь, в сердца неуголенных
Гудящий колокол забьет,
И тряпка белая взовьется
На палке в старческих руках, —
Я мыслю: все пройдет как прах,
Но этот вечер помянется...
Пусть немь рабские уста.
Твоя молитва, в плоть одета,
На белых крыльях, в струях света,
Кружа, взлетит к Нему — туда.

LI

Апрель

Лазурные цветы по зыби облаков,
С отливами то жемчуга, то стали,
Сырые ветры резво гнали
От южных берегов.
Размытым логом буйно убегали
Дубовые листы, вясь до облаков.
И вешний день, то светел, то суров,
Играл кинжалом вороненой стали.
Резнет клинок, внезапен и суров, —
И прячется в ножны, чтоб снова расцветали,
Росли и множились, плелись и убегали
Лазурные цветы над сучьями дубов.
И там, где синие гирлянды расцветали,
Курлыкая под зыбью облаков,
Как буквы двух божественных стихов,
Равнялись журавли и рифму окликали.

ЛII

Капал дождик с шатких веток,
А уж звезды просияли,
Беглым тучкам напоследок
Ласки тайные шептали.
Что́ шептали, что́ открыли,
Не слышать в моей лощине, —
Но светлее тучки плыли
Через свод сафирно-синий.
Но как знак — как знак ответный —
Длани тонкие метали
И, облекшись в саван бледный,
Улыбались — умирали.

ЛIII

Зеленя разбегались, струились,
Справа, слева, – далеко, далеко...
И я видел, как былки молились
Расцветающей Розе востока.
Замирали, прилежно склоняясь,
Повторяли тропарь хвалебный,
Призывали на хрупкую завязь
Дождик ласковый и целебный.
И о росте молились безбольном,
О подъеме над матерью черной,
Чтобы колос развился привольно,
Чтоб налились янтарные зерна.
О кончине покорной гласили
Под косою, чьи размахи велики...
И от Розы небесной сходили
На склоненных святые языки.

LIV

Белые строфы

Небо заткано мелким узором, —
Облака высоки и недвижны.
Будто лилия, солнце за ними
Хрупкой чашей сквозит и мерцает.
Забурело поблеклое жнивье.
Зеленеет и стелется озимь.
И порхающий ветер лепечет
Однозвучные белые строфы.
Разыгрались грачи. Ниспадая,
Загудят, словно рокот прилива,
И поднимутся снова, и реют,
На невидимых волнах качаясь...
Мнится, будто сижу и гляжу я
В мой альбом, где все лица — родные,
Под наивной гравюрой, старинной,
Одноцветной, как серое небо.

LV

В лесу

I

Утро раннее в красных огнях.
Серебром и румянцем сугробы горят,
И в еловом лесу, на тяжелых ветвях,
Ледяные мечи в переливах дрожат.
Улыбается лес, зачарованный,
Сном окованный
На заре искрометного белого дня.
Темносиние тени кругом
Полегли неподвижной зубчатой каймой.
У опушки, скрываясь густым лозняком,
Волчий след потянул... Вот другой.
И в лощину два следа спускаются
И сплетаются
И бегут, хоронясь от стрельчатых лучей.
Отгорая, тускнеет восход.
Слышен по лесу звучный топор:
Рубят старую сосну, и глухо поет
Похоронную песню встревоженный бор.
Вьются вихри, как духи бесплотные,
Перелетные

На заре ослепительно-яркого дня.

II

Оттепель. С длинных сосулек сбегаая,
Капля за каплей бежит, напевая.
Серо и сыро. В косматом лесу
Гулко рокочат высокие кроны.
Смутно пророчат, – и нежные звоны
В сердце больном я покорно несу.
Эти печальные, сладкие звоны...
Жалобный крик пролетевшей вороны
И безнадежная зелень хвои!
Оцепенение и содрогание,
Жизни прощение, смерти лобзание, —
Лед, – это слезы твои!

LVI

Виноград

Я насаждал виноградные тонкие лозы.
Я поливал их, роняя любовные слезы.
Зыбкие листья тихонько руками колебля,
Я выпрямлял, воздвигал побледневшие стебли.
С жаром и холодом бился, – прожорливой птице
Ставил силки, и капканы лукавой лисице...
Диво ли в том, что теперь, упоенный струею,
Сплю и царицу мою обнимаю мечтою?
Диво ли в том, что мой хмель так разымчив и светел,
Что виноград за любовь мне любовью ответил?

LVII

Образы любимые, что сердце перетрогало,
Измололись жерновом, потеряли связь.
Я с руки взволнованной отпускаю сокола,
Я застыл, Восходу алому дивясь...
Вот он стаю гонит, высоко заброшенный.
Знал я этих томных, лживых лебедей!
Старая лебедка падает, подкошена,
Мертвая покоится на груди моей.
Выше взмыл стремительный, тучами овеванный.
С птицей-Рок схватился. Птица-Рок страшит...
Побеждай, о сокол, сердцем возлелеянный,
Кровью лучшей вспоенный – кровных обид!
И глаза смежаются, солнцем ослепленные...
Там под жгучим оком вершится бой!
И завяло сердце, мукой пораженное,
И маню заступника – мертвой рукой.

Уединенный дол
Вторая книга стихов
М.: Мусагет, 1914

Далекий берег

еріДалекий, вожденный берег!
Пушкин

I
Медальоны
Цикл сонетов

1
Святой Франциск

Когда я пал так безнадежно низко,
Что взор Христа страшуся повстречать, —
Хочу рукой слабеющей достать

До ризы бедной нежного Франциска.
Так тленный глаз от солнечного диска
К его лучам спешит перебежать;
Когда – в разлуке – милой не обнять,
Так сладостна – любовная записка.
Друг нищих душ, о младший брат Христов,
Ты не забыл ни пташек, ни волков,
Скитаясь меж бездомных лаззарони;
И даже злую плоть, что распинал,
В предсмертный час улыбкой ты ласкал,
Соединив пронзенные ладони.

2

Мильтон

Как сладко грезить мне, что, вспенив море,
Я посещу туманный Альбион,
Где состязались мудро виг и тори,
И даже бури ведали закон!
Мечтать в ночи о важном разговоре
Вестминстерских часов, – услыша звон, —
И о гробнице в лавровом уборе,
Где имя гордое прочту: Мильтон.
А ниже: Бард, или еще: Свобода.
И ясен мир заморского народа,
И как приближен дальний этот край!
Бестрепетный, железный пуританин,

Я верую в твой возвращенный рай,
Где даже дух твой – вечный Англичанин.

3

Паскаль

На лоб твой геометра полагая
Венок из терний, – вещую печаль,
Смирясь, умирил ты, Блэз Паскаль!
Пусть бездны зев грозит тебе, зияя, —
Пронзенная Десница всеблагая
Коснулась глаз твоих, и дальний Градь
Провидел ты и лобызал скрижаль,
Еще горящую огнем Синая.
А в час отдохновений и побед
Вручал тебе свой циркуль Архимед,
И дух живил предвечный Архитектор;
Склонясь к листу, ты числил и чертил,
Но под пером твоим малейший сектор
О таинстве распятий говорил.

4

Сведенборг

Едва теснины дольные расторг
Твой жгучий глаз и в далях безымянных
Витал, – скажи, избранный от избранных,
Кто о тебе подъял последний торг?
Кто, охмелевший бездной Сведенборг,
Встречал тебя на скалах первозданных, —
Денница ли с изгибом уст желанных,
Сулящий в дар свой ледяной восторг?
Как отвечал ты Князю искушений,
Воздвигнутый горе, к иным кругам
В обители лазоревых видений?
Но голос твой, завещанный векам,
Звучит темно и глухо о святыне,
Как колокол, затопленный в пучине.

5

Калиостро

Спеша из края в край в раскрашенной карете,
Как кожу гибкий змей, меняя имена
И жесты важные, – Маэстро и жена,
Лоренца лживая, несутся к дальней мете.
Великий Кофта ли в пурпуровом берете,
Граф Феникс в бархате, – быть может, Сатана? —
Он сыплет золотом и зельями, – она
Глазами жгучими влечет в иные сети.
И золото всех стран за райский Пентагон

Рекой стекается и, нимбом окружен,
Ты – чудо сам себе, волшебник Калиостро!
Но, чу! рожок звенит... Толпа ливрейных слуг
Снует бездельная... И мчит тебя, сам-друг,
Карета шестерней, малеванная пестро.

6

Бальзак

Огромный Оноре! плечом циклопа
Покорно принял ты, как дар от муз,
Седых камней неизреченный груз,
Отторгнутых могуществом потопа.
Ты храм воздвиг, – но дряхлая Европа
Змеей бежит пророчественных уз:
Богам из глины молится француз
С позорным сладострастием холопа.
До наших дней непонятый чудак,
Как хороша твоих созданий свита:
Ведун Ламберт и томный Растиньяк,
И лик свирепый красного бандита!
Но слаще всех, возвышенный Бальзак,
Твой андрогин крылатый – Серафита.

II Орлы

Где будет труп, там соберутся орлы.
Матф. 24, 28; Луки 17, 37

На бледный труп от льдистой мглы,
С бесплодных гор, ширяя, канут
Широковейные орлы
И, веки приподняв, заглянут
В безжизненный зрачок... И вот,
Пророча воскресенье персти,
Орел седой, ярься, клюет
Из окровавленных отверстий.
Глаза, что в грозный день Суда,
Восхищены от пасти орлей,
Уж не померкнут никогда, —
Скользят в ненасытимом горле.
И ждут косматые орлы
Обряда темного свершенья;
Глядят, нахмурены и злы,
На первое преображение.
Их дрогнут крылья, чуть старик
Вонзит меж ребер клюв согбенный,
И горд и буен будет клик,
Когда из груди вожденной

Ужасный повлечет комок
И когтем над орлами вскинет,
Да клюва алчного не минет
Пустой бессмертного чертог.

III

Памяти Н. Ф. Федорова

1

С каким безумием почтил ты человека,
Как жутко высоко ты длань его занес,
Ты, вещий и святой старик-библиотекарь,
Кротчайший из людей и повелитель гроз!
В убогой комнате, зарями золотыми,
Когда Москва спала, а Кремль был нежно-ал,
Листы дрожащие, непонятый алхимик,
Реченьем пурпура и крови покрывал.
Как зыбким ладаном, овеянный отцами,
Сын человеческий, сыновством ты болел;
И выкликал, трубя над горными мирами,
Аскет и праведник, — бессмертье грешных тел!

2

Заставка

Высокий серый крест... У мшистого подножья
Желтеет тускло шар на скрещенных костях.
Вдали – гряда холмов. А сверху: Нива Божья.
Славянской вязию гласит поблеклый стяг.
Адамов череп там возник из бренной персти,
Но в ужасе глазниц подъята тьма гробов:
Так когти льдистые владычной древней смерти
Еще свирепее под молотом веков!
Эдема бедный Царь, на дне времен не ты ли,
Как божий сын, сиял в безгрешной нагоде,
И то тебя – Тебя – нагого пригвоздили
Твои сыны, вверху, на сером том кресте?
... А там холмы, холмы... И сверху: Нива Божья,
Вписал Неведомый на полинялый стяг
И опочил, припав у серого подножья,
С нетленной лилией в хладеющих перстах.

IV

Гимн предкам

То верно был монарх, кто взора жадной тягой

Тарпана дикого сдержал привольный лет;
Чей клич, как первый конь, носился пред ватагой
И заклинал, грозя, и в дальний звал поход.
Нагой среди нагих, седым крылом орлиным
Холодный блеск чела по праву оттенил;
И первый тот венец за первородным сыном
Копьем жестоких битв, не дрогнув, закрепил.
То верно был пророк, кто на костер гудящий,
Кудрявый, радостный, юнейший из костров,
Пролил всю кровь свою и, бледный, пал средь чаши,
Как жертва сладкая для трапезы богов.
Любовь вам, пращуры, чьи трепетные жилы,
Как узы строгие, на хаос налегли,
А сердца рдяный уголь и чресл слепые силы
Вещали тайну солнца и земли.
И это был поэт, кто в темном реве ветра
Ловил крылатую души своей печаль
И звуки первые размеренного метра
Одни, свистящие, любил в тебе, пищаль;
Кто в шее лебедя провидел выгиб лиры,
В кудрях возлюбленной искал поющих струн;
Блуждая по горам, на красные порфиры
Врубил, восторженный, сплетенья первых рун.
И это был поэт, кто крик любви жгучей
Бросал одним волнам песчаных берегов
И слушал перезвон дождя, смеясь под тучей,
И руки простирали за трубами громов.
О, пращуры, когда внимаю бури ропот,
И злоба выюжная кружит отмерший лист,

Мне будто слышится набегов буйный топот
И тяжких ваших стрел неверный, резкий свист.
Не вы ль проносите, овеянные мглами,
Будить и влечь сынов к невиданным огням,
Чтоб кровью жертвенной и гулками струнами
Ваш дух живой отдать иным векам?

V

Ковыль

Где только плуг пройдет, ковыль, волшебство степи,
Развеется, как серебристый дым;
И дикая страна немых великолепий
Отступит вглубь, за пастырем своим.
С печальным рокотом встревоженные волны,
За валом вал, спеша, прольют гурты;
Верблюдов проплывут чудовищные челны,
Качая рыжекосмые хребты.
И косяки коней сомкнет гортанным кликом,
Арапником над головой свистя,
Широкоскулый всадник с медным ликом,
Родных степей любимое дитя.
За пыльным облаком, без дум и без желаний,
Исчезнет, как непонятая быль;
И, уходя, свернет ковры бесценных тканей, —
Жемчужный и серебряный ковыль.

VI

Тучи

Есть тучи бурые, как стая злых гиен,
Косматых, мстительных и никогда не сытых,
С промозглым холодом струящих гробный тлен
Своих дыханий ядовитых.

Они приходят в дни грозой чреватых лет,
Когда разгул стихий так хмелен и беспечен,
И ливень, брошенный для варварских побед,
Поникшими полями встречен.

Они приходят к нам, когда, в закатный миг,
Лиловый тусклый диск из щели косо глянет
И в лужи кровь прольет, презрителен и дик,
И в бездну дымчатую канет.

Тогда-то, с севера, на пепельный покров
Нежданно ринется, друг друга обгоняя,
Ватага желтая с оскалом злых клыков,
На бой развернутая стая...

В торговой слободе, по суетным делам,
Тоскующий, я жил, сжигая дни за днями;
Средь жадных прасолов трактирный слушал гам,
Смеясь за водкой и груздями.

Касанья цепких рук, делецкий разговор,
Развинченный орган и этот дым зловонный, —

Весь кем-то для меня придуманный позор, —
Я нес, холодный, непреклонный.
А вечером глядел сквозь потное окно
На небо сизое, на жидкий луч закатный,
На скачку бурых туч, и было мне дано
Раскрыть их символ непонятный.
Они бегут туда, где бурно зло прошло,
Где все ненастьями убито или смято, —
Гиены жадные, — и правят ремесло,
Им предназначенное, — свято.

VII

Порвался мертвый полог забытья:
Внезапный ужас сердце ускоряет.
Виски стучат... — Зачем я здесь? Кто — я?
И чья игра из бездны забытья
Меж этих стен, как кость, меня бросает?
С игровой костью сопряженный дух
Восстал, дивясь... И были непривычны
Тень головы, руки и светлый круг
На потолке. И чуждо резал слух
Гудящий бой часов, как зов иноязычный.
Да, — я летел... Я пережил позор...
Рука у сердца, ослепленный взор,
И стыд пылал, как факел, на ланитах.
Склоню колена... Мягче — на ковер.

И глажу перья крыл моих разбитых.
А там?.. Бессилен мозг. Душа молчит.
Разбились, выпали божественные звенья.
Я перья глажу... Нет, крыло не полетит!
Лишь маятник из глубины стучит,
Да серым пеплом сыплется забвенье.

VIII

Мой хранитель в орлянку играл,
И высоко меня он метал.
Выше гор, и лесов, и озер
Поднимался я, весел и скор.
– Будь орел! – он вскричал и замолк;
А другой усмехнулся, как волк.
Выше гор и озер я летел,
Ярче солнца в лазури горел.
– Выбирай. Обретаешь ты власть
Возлететь, устоять или пасть. —
И я – стал... Размышлял... И стрелой
Падал ниц, повлеченный землей!
И хранитель в смущеньи поник,
Побледнел затуманенный лик.
А другой взял суму, развязал,
Горсть открыл и бездумно мигал.

IX

Когда Господь метнет меня на землю, —
Как кошка блудная о камень мостовой
Ударюсь когтем я и гневный вопль подъямлю;
И, выгибаясь жилистой спиной,
Гляжу к Нему: с улыбкой наблюдает
Мой жалкий вид Господь — и, сумрачен, бреду...
Потом кричу: «Ты прав! Душа моя пылает!
Ты прав!» — кричу в молитвенном бреду.
И смотрит Он. Рука Его подъята,
И я бегу, и на руки Его
Бросаюсь, и ложусь так беззаботно-свято;
И гладит Он меня, лаская: «Каково?»

X

Водопад

*O Mort, vieux capitaine, il est temps! levons l'ancre!
Ce pays nous ennuie, ô Mort! Appareillons!
Baudelaire*

О волны хмельные, о сосны вещей дремы,
Хоругви строгие зубчатых мудрых елей!

Грозный гулкий смех, воркующие громы
Зеленых рокотов, алеющих веселий!
Ты, книга бурная псалмов, от века петых,
Меж скал раскрытая на древнем аналое,
Склонись к призывам рук, молитвенно воздетых,
И погаси в груди смятенье роковое...
А нет – благослови на путь к безвестным странам.
Прыжок слепой тоски оплачьте, волны, пеньем;
И, буйные, опав над телом бездыханным,
Пролейте благостным заоблачным виденьем!
И, прилетев, ту песнь подхватит хор метелей,
Помчит к горам, кружась от сладостной истомы...
О, волны хмельные, о сосны вещей дремы,
Хоругви строгие зубчатых мудрых елей!

XI

Бескрайный путь

Сонет

Полярными пионами венчана,
Пирует твердь над бледностью снегов,
Над башнями лазоревых дворцов
У берега холодного Мурмана.
Узывный бубен древнего шамана,
Утишь кружение огненных духов!
Олени ждут, и самоед готов, —

И белая приветлива поляна.
Бескраен путь, а нарты так легки!
Мне к небесам, играючи, снежки
Подбросить хочется, – но уж возница
Заносит жердь... Ветвистые рога
Качаются, – и мы летим, как птица,
Взметая вихревые жемчуга.

XII

Искатели

Вам по плечу и, знаю, нужен
Чудовищный и тяжкий шлем
И трубка гибкая, – затем,
Что вы – искатели жемчужин.
Зовут, манят во мглу пучин
Волшебства зарослей пурпурных,
Лилеи в известковых урнах
И сангвинический дельфин.
Морской конек на ваше пламя
Круглит, дивясь, беззубый рот;
Звезда заденет и падет
И слабо хрустнет под ногами.
И золотистых рыб игра
Овеет вдруг, как лист осенний...
Но уж, виясь из клуба теней,

Плывет змея... Пора, пора!
Под грузом непосильной тяги
Вы рветесь ввысь – к земле родной.
Любовь владычицы морской
Не вам – лукавые бродяги!
Руно червонное кудрей,
Томящий хвост осеребренный,
И лучший перл – тоски влюбленной
Из бледно-голубых очей —
Тому, кто, с тайной грустью дружен,
Приплыл к ней бледный – наг и нем...
Он презрел этот мудрый шлем,
Вы, похитители жемчужин!

XIII

Я не искал крутых дорог
На обездоленные скалы;
Их очерк был так дивно строг,
Мои шаги – так скорбно малы!
От глетчера поток бежал
И пенился, и голос гневный,
Ударясь с кручи, разрывал
Ручьев долины хор напевный.
И в огненных лучах, зардев,
Свергались, ухая, лавины;
А гром гремит, как ярый лев,

Гремит и бьется о стремнины.
И чей-то исступленный лет,
Свой путь означа буреломом,
Безмерной скорбью сотрясет
Столетний лес вослед за громом...
Мне не искать святых дорог
На цепенеющие скалы,
Где на заре глядится Бог
В золотосиние кристаллы.

XIV

Как столб, иссеченный в горах, один, затерян
У нисходящего пути,
Приказу древнему самозабвенно верен,
Я не могу сойти;
Я не могу сойти в роскошные поляны,
Где труд и пир людской,
Где нивы спелые грустят благоуханны,
Когда спадает зной.
И странен я и дик для вас, бегущих мимо, —
Посмешище и грех, —
Но сердце темное мое неуязвимо,
Сокрытое от всех.
Лишь тот один, кто здесь меня оставил
И пригвоздил пята,
Тот ведает, что, — против ваших правил, —

Я на моем посту.

XV

Не люби на земле ни леса, ни луга заливные, —
Над полями, над бором люби монастырские главы;
Темносиние главы и звезды по ним золотые,
Колокольный отгул и седины затворника-аввы.
Припечатанный лаптем, на звоны бегущий проселок,
Где в железах поет юродивый, алкающий боли;
И, белея платками, присела толпа богомолков,
Распуская узлы и грустя про земные недоли.
И над озером тихим, где тянутся братские тони
И огромными хлопьями падают белые птицы,
По-над рокотом пенистых волн, в опрозраченном звоне
Ты услышишь серебряный голос Небесной Царицы.

XVI

Христова невеста

Хрусткой ночью путь-дороженька ведет,
Хрусткой ночью глаз Лукавый не сомкнет.
Ты иди, моя смиренница, иди,
Ничего, душа, не бойся и не жди!

Льдистой ночью исчисляются дела,
Льдистой ночью закаляется стрела.
Непорочная, иди себе да пой —
И жива пройдешь под вражеской стрелой.
Синей ночью сопрягаются пути, —
Синей ночью, одинокая, иди.
А увидишь если беса под кустом,
Огради себя ты Стасовым крестом.
Чуткой ночью замыкается кольцо,
Чуткой ночью открывается лицо.
Ах, не нужно бы, не нужно бы кольца,
Все идти бы без оглядки, без конца!
Чтоб тропинка да за горы поднялась,
Через звездные узоры повелась...
Зоркой ночью путь-дороженька ведет,
Зоркой ночью глаз Лукавый не сомкнет...

XVII

Скиты

Они горят еще – осколки древней Руси —
В зубах лесной глуши, в оправе сизых вод,
Где в алый час зари, распятый Иисусе,
Любовный голос Твой и плачет и зовет.
Чуть из конца в конец неизречимый клекот
Небесного Орла прорежет сонный бор

И сосен мачтовых ответит струнный рокот
И запоет в груди разбуженных озер;
И, за свечой свеча, разверзнут очи храмы —
Кругом у алтаря, как черный ряд столпов,
Сойдутся иноки, торжественны и прямы,
Сплетать живую сеть из верных тайне слов.
Там старцы ветхие в священных гробах келий,
Где дышит ладаном, и воском, и смолой,
Уж видят кровь Твою, пролитую сквозь ели,
И воздвигают крест иссохшую рукой.
И в алый час зари, распятый Иисусе,
Как голос Твой томит и манит и зовет
Разрезать плен сердец — к осколкам древней Руси,
К зубцам лесной глуши, к оправе сизых вод,
К сиянию алтарей и чарованиям строгим
Стихир таинственных, чтоб сетью властных слов
Жемчужину любви привлечь к сердцам убогим
Из царства розовых и рдяных облаков.

XVIII

Старцы

Воле священные — Иосиф, Варсонофий, —
Глубоко взрезали вы скитские поля.
И белый — тих и благ, а сизый — тем суровей,
Чем неподатливей заклекая земля.

На жесткий ваш ярем, два сопряженных брата,
В лучистом трепете нисходит крестный знак;
И с ликом огненным божественный Вожатый
К отцовым пажитям ведет ваш мерный шаг.
Две кельи связаны объятьем низких сводов,
Две дружные сестры у нежно-алых врат;
Их окна зрячие, презрев дрему и отдых,
В седую мглу ночей без устали глядят...
Глядят на дремный бор, что глуше все и старей,
На перегиб тропы, завитой меж стволов,
Где тихо шествуют Амвросий и Макарий
Прозрачной радугой в лиловый сон снегов.

XIX

Икона

Я не один, когда с таинственной иконы
Предтеча Господа, Архангел окрыленный,
Глазами дикого, пустынного орла
Глядит, пронзительный и острый как стрела,
И в согнутой руке, глася о грозном чуде,
Подъемлет голову кровавую на блюде.
Хладеют сумерки, и желтый вечер строг.
Из скал зазубренных, опоры смуглых ног,
Кривится тощий куст, а у корней, под деревом,
Секира брошена, отточенная Гневом,

И свиток выгнулся, как разъяренный змей,
Готовый броситься в сумятицу людей.
Я не один, когда с крылатым Иоанном
Я, духом пробудясь, пою о несказанном,
И в тихие часы мне, как своя, близка
Меж скал гремящая пустынная тоска,
И пальмы стройные, и волны Иордана,
Где, верую, моя запекшаяся рана
Тобой омоется, а перст укажет твой
Вдали Идущего с поникшей головой.

На лоне родимой земли

*И распяты копны крестами старинными
На лоне родимой земли...*

I

Ударил гром. В ночи бездонной,
Раскрыв пурпурные глаза,
На колеснице окрыленной,
Как фурия, летит гроза.
Там – треск осей и ржанье коней,
И бледных грив слепящий взлет;
Здесь – шелест листьев на балконе
И в сердце – жути тонкий лед.
Что ты несешь родимым нивам
Под громыхающей пятой,
Сердцам унылым и пугливым,
Царица ночи боевой?
Ломящий вихрь? Кристаллы градин?
Огонь, что нищий дом сожжет? —
Дать сок от лучших виноградин —
Довлеет сердцу в свой черед.

II

Багрянородному

Кремлевый дуб, один ты близ опушки взрос.
Широк размах ветвей державных;
Чело кудрявое над лесом ты вознес,
И трепет листьев своенравных
Гармонию творит неведомых усад
В часы вечерних откровений,
И пляска легкая доверчивых дриад
У ног твоих колышет тени.
Лесные голуби в развилине суков
Найдут семейственным заботам
Прибежище и мир под сению листов;
Замедлит сойка перелетом
На маковке твоей, лазоревым крылом
Кичася... Безмятежный, строгий,
Ты всем окрест отраден и знаком,
Откроешь всем свои чертоги.
Когда же, в осени, вдруг бурей омрачен,
Воспримешь гневную завесу,
Ты, мнится, сам той бурей порожден
И злую мать бросаешь лесу.

III

Береза

Остановись. Смотри, как хороша сквозная
Игра моих листов... Уж больше сотни лет
Тростинку хрупкую сажал твой грозный дед,
О лаврах боевых мечтательно вздыхая.
И он мне изменил – в двенадцатом году.
А я росла в громах иных, воздушных ратей...
Вы, страсти грозные и взрывы злых проклятий,
Когда металась я в горячечном бреду! —
Я вас осилила!.. Иного поколенья
Неслась ко мне волна – лазурный, нежный сон;
И кроткий человек, осмеян и влюблен,
Лишь мною понятый, бродил, как привиденье...
И ночью вешнюю ко мне издалека
Домчалась песнь любви... Как сладко шелестели
Юнейшие меня, и серьги в лад звенели,
А соловей молчал под чарами смычка.
Я выше всех росла и стала я – царица.
Я мантию снегов, мой горностай, люблю.
Приди: моя кора – как чистая страница,
Белей, чем тело жен, – тебе ее даю.
Мой ствол – как столп небес. Я древняя береза.
Я как своей – горда мне близкой синевой;
Но ветвь поникшую родню с твоей мечтой

И трогаю чело, как трепетная греза.

IV

На балконе

Стихи прочитаны, приветы отшумели,
И самовар погас. – Молчи и слушай ночь.
И совы, может быть, про то, что не сумели
Мы воплотить в слова, проплачут нам – точь-в-точь.
Ты слышишь? Вот они, раскатистые кличи,
Где робкая мольба вдруг перелъется в смех,
Смех истерический, русалочий – не птичий...
И снова жалоба – на смутный миг утех.
А полночь звездная тиха, – и месяц нежный
На небе выведен, как некий тайный знак;
И шепоты в листах о доле неизбежной,
О том, что путь любви прорежет злой овраг...
Куда умчало нас? Иль мы не на балконе,
Где недопитый чай и бедный том стихов,
А в мире чудом вдруг открывшихся гармоний
Божественных и музыкальных сов?

V

Иволга

В сады моей страны и хмурые дубровы
Ты солнце тропиков на перьях принесла;
И строгой красоты нарушила основы,
Вся – слиток золота, и уголь – два крыла.
И крик твой радостный волшебною валторной
Как вызов прозвенит, как дерзостная весть,
Что для любви моей медлительно-упорной
Есть солнце жаркое, и счастье тоже есть!
Когда по синеве пологими волнами
Ты мягко кинешься, твой золотистый след
Хочу я задержать широкими глазами,
В душе зарисовать отрадный силуэт.
В сады моей страны и строгие дубровы,
Вся – слиток золота, и уголь – два крыла,
Ты образ женщины любимой принесла,
С ноги заточника снимающей оковы.

VI

Эрнесту Кейхелю

Я пью мой долгий день, лазурный и прохладный,
Где каждый час – как дар и каждый миг – певуч;
И в сердце, трепеща, влетает рдяный луч,
Как птица райская из кущи виноградной.
Я пью мой синий день, как брагу хмелевую
Из чьих-то смуглых рук, склонивших древний жбан.
От утра до зари брожу, смятен и пьян,
И землю под ногой жалею и милую.
И тайно верится, что в струях этой влаги
Отныне и вовек душа не отцветет...
Но тише... Меж дерев – ты слышишь? – Бог идет.
И ветви, заалев, колышятся, как стяги.

VII

Февраль

Уж истощил февраль последние метели, —
Сегодня синева, и солнце, и капли;
И тронули сугроб предвешние лучи.
Иссиня-черные клювастые грачи
Над первой лужицей ступают осторожно.
Крыльцо уж высохло, и сельской деве можно,
Накинув на лицо лазоревый платок,
Без шубки выглянуть на солнечный припек
И поцелуй принять от берегов далеких;
Меж тем, как бережно два парня краснощеких

На долгих поводах проводят у крыльца
В попоне праздничной гнедого жеребца.

VIII

Ранний сев

Лишь воды вешние в оврагах отыграли
И озимь тронулась – прозеленели дали;
И, спячку долгую с трудом преодолев,
Тушканчик выбежал взглянуть на первый сев.
Из деревень, бренча, съезжают сохи к нивам;
Влекутся бороны, и сосункам пугливым
За кроткой матерью не спрятаться никак;
Спокойней стригуны: их юношеский шаг
Степенен и ленив, а морды, то и дело,
К телеге, где овес, склоняются несмело...
Вот пашня рыхлая. И каждый черный ком
Рассыплется в руках, едва его сожмем...
Соха налажена. Старик проводит лехи.
Севалку поднял сын – не видно ли прорехи;
И, осенив крестом широкий белый лоб,
Рядно отворотил и семена загреб.

IX

В сизые волны речные юноши, сбросив одежды
И долгогривых коней метким прыжком оседлав,
Бойко вступают. Храпят боязливо добрые кони,
В брызгах и плесках зыбей мерно копыта взнося.
Там, где студеной бегут родников потаенные струи,
Прянули юноши вдруг, рядом с конями плывут;
Снова и снова взлетают на скользкие зыбкие спины,
С кликом победы лучам стройные кажут тела.
Этот, – могучий плечами, раскинувши смуглые руки,
Ржанью коней подражал, – тот, – горделивый нарцисс, —
Нежной рукой подбочась, заслушался песни далекой,
Рокота первой тоски зорких и ласковых дев.

X

Любишь ржавых тростников
Полусонное шептанье?
Любишь утренних часов
Золотое одеянье?
Любишь дни, как валуны,
В синь реки бросать без счета?
Любишь степи? Табуны?
Ветер? Шмелей диких соты?..

Любишь – Бог тебя дарит!
Выбирай коня любого, —
Вихрем взвейся... Гул копыт
Сердцу слаще говорит,
Чем докучливое слово.

XI

Вечер

Слышишь ли иволги голос влюбленный
В куще зеленой?
Видишь, как ласточки выют хороводы
В синих просторах
Пьянящей свободы?
Трав подрастающих шорох,
Шепоты в чаще цветочной,
Повисшей от неги...
Грохот порожней телеги,
Где, стоя, красotka несется;
За первой – вторая...
И парень смеется,
Скоком ее догоняя, —
Сельских ристаний
Нестройные клики!
Меж тем как багровый, великий
Расточитель желаний,

Могуч и безгрешен,
Трогает ложе земли, лиловой чалмой занавешен...

XII

День тумана

Тихий день тумана струйно-белого
Над рекой, над бором и лугами, —
Передышка лета всепобедного,
Утомленного льстивыми хвалами.
Влажный сноп, оставленный, не вяжется,
Не свистит косы стальное жало.
В праздный день скорей усталость скажется;
И клубы из труб струятся вяло...
Дымка неги вьется над равнинами,
В грезах смерти понижают злаки;
Красный царь с очами соколиными
На охоте позабыл о браке.
Краток отдых лета перед родами
Над рекой, над бором и лугами, —
Сон царицы с синими глазами,
Утомленной хвалебными одами.

XIII

Тревожен лепет темных верб,
Вздыхает красная пшеница;
Заносит позлащенный серп,
Склонясь, божественная жница...
Час совершений и ущерб!
И колос жизнь предать готов
Янтарной горсти спелых зерен;
И лишь насмешливо упорен
То здесь, то там, — со всех концов, —
Немолчный бой перепелов.

XIV

Казанская Сонет

И вот они — кануны сельской страды.
Под липняком толчется мошकारа;
И, жарким солнцем залито, с утра
Цветет село, что маков алых гряды.
Владычице мы поклониться рады,
А колокол гудит: пора! пора!
Но смутен лик под ризой серебра

И красными миганьями лампы.
А вечером, при трепете зарниц,
Тревожны взлеты диких, вольных птиц
Над слабо плещущей, заросшей речкой;
И в полумрак малейшей между хат
Заглянешь Ты, – где, возлюбя, почтят
Смирненную копеечную свечкой.

XV

Дрофы

Вы не верите нам... О, как знаете
Вы нас, – дрофы мудрые, сторожкие...
Как будто беспечно гуляете,
А заходите в межи – заросшие.
Вы крылами широкими, мощными
Плеснете – и тихо отходите;
И кругами своими урочными
За собой обманчиво водите.
Наши кони ничуть не страшны вам,
Отвратительны – бледные лица!
Но чужда своевольным порывам
Умудренная степью птица.
Безопасно по жнивью гуляете:
Не дохватят винтовки мелькнувшие...
Вы нас знаете, мудрые, знаете,

Глубже нас в нашу ложь заглянувшие!

XVI

Я не сменю на вас, возвышенные грезы,
Мой тихий серый день,
И крик сорок, насевших на плетень,
И бедный гул моей березы.
И по тропам спускаюсь я неспешно
К обрыву над рекой.
Парит бездумно взор над сизой чешуей,
А сердце стонет безутешно.
И этот стон, как будто извлеченный
Из гулких тростников,
Растет, подымлется, – как небо однотонный,
Как полог серых облаков...

XVII

Памятник брата

Ах, верно, мертвецам покоя не найти
И в матери-земле!.. И нет черты заветной:
Твой бедный памятник велели нам снести,
Дождями вымытый твой столбик безответный!

Живым все места нет... И ветхий сельский храм,
Болея и кряхтя, разверз объятия шире
Таким же, как и он, убогим старикам
И детям ласковым, как ты, уснувший в мире.
Но нет... К тебе стучат, и холмик твой разрыт...
И больно, что ты там, – стенами окруженный,
Что птица ранняя весной не прилетит
К твоей проталинке, пригретой и зеленой.

XVIII

Белые ветки

Колыхались бледные гардины,
Манили блуждать и вздыхать;
Цветом яблонь томились куртины,
Когда умирала мать.
И кукушка золото ковала,
Обещала нам долгий век,
А рука на руке лежала,
И темнели провалы век...
Голосящая нота псалтири,
Огоньки, огоньки – как в бреду,
И мечта, что лучшее в мире —
Это белые ветки в саду.

XIX

Вы прошли, как листва прошлогодняя,
Вы, смиряясь, легли под кресты,
Чтобы внукам дышалось свободнее
И пестрели над тленом цветы.
Чтобы в ночь половодья безлунную
К вам сбегали, журча, ручейки
И, упав на ограду чугунную,
Заплетались две милых руки.
Если вешние стрелы нас маяли,
Нам так любо у тихих отцов,
Что, как снежные куклы, истаяли
На распутии ребячьих годов.

XX

На лоне родимой земли

Близ пруда брожу и пою под осинками,
Репей рассекая хлыстом,
А пруд мне кивает кугой и кувшинками,
Обласканный ранним лучом.
Из чаши лазурной на желтые пажити
Прольется томительный зной;

И миги промчатся – провеяли, скажете,
Стрекозы над рябью стальной.
Вот косы пришли и звенят над равнинами...
Ряды золотые легли;
И распяты копны крестами старинными
На лоне родимой земли.
И миги, сменяясь, промчатся за мигами;
И, жизни свершая чертеж,
Закованный в годы, как в цепи с веригами,
Согбенный ты снова придешь.
Рукой заслоняясь от солнца, с усилием
Поймешь, как осинник подрост;
Опять умилишься над злаком и бытием
И свисты почувствуешь кос.
И пруд, изумрудной затянутый ряскою,
Меня загадочный лик,
Покажется вещей и мудрой присказкою
В предсмертный и радостный миг.

Интимные лики

Гр. Алексею Н. Толстому

I

Памяти Фета

У парка дремного, где на заре весенней
Рокочут горлицы среди зеленых теней;
Где в ризе золота, воздушный иерей,
Взывает иволга под куполом ветвей, —
Просторный, белый дом, уютный и прохладный,
Обвитый дикою лозою виноградной,
Как бы расцвеченный лирической мечтой,
Лелеял бережно твой вдумчивый покой.
Белели яблони в расчерченных картинах,
И ранний первоцвет ждал песен соловьиных,
И ждали соловьи, когда ты выйдешь к ним,
Старик болезненный, но с пламенем живым
Неутолимых глаз, влачащий слабо ноги,
И станешь, охватив колонну, на пороге...
Лениво громоздясь, воздушных облак рой
В лазурной высоте проходит над тобой;
Сонливый ветерок, дохнув, на кольцах ржавых
Натянет полотно — и опадет на травах;

И белая твоя взовьется борода
От вздоха жаркого, забывшего года...
Ты в светлой комнате... Твой профиль хищной птицы
Заостренную тень на белые страницы
Бросал, а зайчиков лучистая игра,
Лаская череп твой, скользила у пера;
Меж тем, как радуга из песен восставала
И вещим таинством два мира сопрягала.

II

Утро охотника

Еще тенета паука
Волшебны в бисере росистом;
Еще замглевшая река
Прибережного кулика
Не внемлет перекрестным свистам;
Еще бакчи столетний страж,
Приметив, как подьмет донце
Подсолнечник, – бредет в шалаш
И проворчит, кряхтя: шабаш!
Оставя караульным солнце.
Деревню лиловатый дым
Волнистым ладаном окурит,
И, прозвоня ведром своим,
Лучом обласкана рдяным,

Молодка томный глаз прищурит; —
А уж псари ведут на двор
Коней, – и ты, степной патриций,
Спешешь, под завыванье свор,
Чтоб кончить твой вчерашний спор
С ушедшей в камыши лисицей!

III

На выборах

С. С. Романовскому

Да здравствует задорный треск шаров
И ящики загадочных избраний;
Мундирный блеск и рокот голосов, —
Внезапный взрыв призывных восклицаний!
Пожатья рук и сочный поцелуй, —
И на руках взлетает предводитель!
И острый ток шампанских пенных струй
Широко льет румяный победитель.
Я слушать вас любил с досужих хор,
Шумливые российские дворяне.
Смотрю, дивлюсь... Потом слабеет взор, —
Вы там, внизу – в мистическом тумане...
Меж тем со стен, где бледных досок ряд
Златят имен немые вереницы, —

На буйный пир таинственно глядят
Блестящие холодные гробницы.

IV

Дом дедов

Сонет

Ты не для жизни, нет, – для томной мелодрамы
Построенный, стоишь, дощатый серый дом,
Где стекла – в радугах, и покосились рамы
С сердцами по углам, поросшими грибком.
Здесь были до конца меланхоличны дамы...
Как нежно клавесин журчал и пел о нём\
Но франты ловкие ловили легче гаммы
Записку жгучую с надушенным платком.
И тонкий аромат красивого порока,
Насквозь провеянный дыханьем злого рока,
Струил трагический и пряный пустоцвет;
И сколько шепотов носилось в темных залах,
Когда оглядывал в раздумьи пистолет
Вивер, развенчанный усмешкой губок алых!

V

Портрет в кабинете

Сонет

В шлафроке стеганом, над грудью утучненной
Чубук подъемлет он как некий властный жезл;
Десница ж мягкая с истомой полусонной
Качает плавно кисть пурпурную у чресл.
На блеклом бархате резных огромных кресл
Как светел воск лица и череп обнаженный!
А над челом кумир Киприды благосклонной
Восставил друг искусств и судия ремесл.
Припухлые глаза, не ведая печали,
От дней медлительных лазурность потеряли, —
Лишь тлеет искорка в хладеющей золе.
Отец для поселян, а к девам пуще ласков,
Он весь тут до конца. — Прибавьте на столе
Том кожи палевой с тиснением: Херасков.

VI

Церковный староста

Сонет

Ты был простой и тихий человек
И в сюртуке ходил ты длиннополом;
Краснел как девушка, детей не сек
И не блистал ни сметкой, ни глаголом.
– Стань ктитором! – тебе однажды рек
Сам протопоп. В молчании тяжелом
Ты сгорбился, потупя пленку век,
Зане ты был смиренным мукомолом.
И двадцать лет по церкви ты бродил
С тарелкой жестяной, покуда сил
Хватало. Колокол, тобой отлитый,
Так сладок в ночь, когда затихнет мир,
Что для тебя, почивший под раkitой,
Он, – верю, – слаще лучших райских лир.

VII

Приказчик

Дорожкой полевой в потертом шарабане
Ты не спеша трусишь... Луга еще в тумане;
Но встал ты вовремя: ты правишь ремесло.
Картуз, надвинутый на хмурое чело,
В рубахе кубовой твой стан отяжелелый,
Степная крепость мышц и шеи загорелой,
В перчатке замшевой огромная рука
И длинный жесткий ус, сидящий слегка,

На грунте желтых нив и неба голубого, —
Как много для меня храните вы родного!
Лошадка круглая, не требуя вожжей,
Бежит размеренно — ни тише, ни скорей.
Ты должен осмотреть порядки полевые:
Потравы нет ли где, идут ли яровые,
Шалют ли овражки; не виден ли жуток...
Телега встретится: соседский мужичок;
Поклон приветливый — и вольная дорога. —
Ты тронешь козырек и поворчишь немного,
Что, в рожь заворотив, погложет как-никак
Клячонка тощая тобой хранимый злак.
На полку едешь ты. Там вольный распорядок.
Подолы подоткнув, рассыпались меж грядок
Девушки шустрые; не молкнет яркий смех...
Мелькнет вдруг молодость и первый сладкий грех,
И первое «люблю» полольщицы-дикарки
В глазах, расширенных как у пугливой ярки,
Что нож почуяла от любящей руки
И блеет и дрожит, исполнена тоски...
И снова никого... Кругом простор да тишь.
Поводья натянув, на пашню ты катишь,
А чибис, вспугнутый над ржавыми лугами,
Кружит и плачется и хлопает крылами...
Уж солнце высоко, и недалек обед.
Ты повернул — домой... Подруга многих лет,
Смирившая твой пыл своей природой прочной,
Завидя шарабан в окошечко молочной,
Поспешно кубаны на ледник отошлет

И, сплющив нос, к стеклу губами припадет.

VIII

Повар

Ходит черный при луне
Таракан по балалайке
И бренчит о старине
Да о белой молодойке.
На плите вода шипит,
Жаром пышет поварская. —
За окном сверчок трещит,
Смотрит звездочка, мигая...
— Спишь ты, старый? — И стучат
Девки шустрые в окошко.
За картинами шуршат
Прусаки... Мяучит кошка.
Замирает при луне
Таракан на грустных струнах,
И бежит по седине
Серебро от струек лунных...
Ну играй же, таракан!
Запляши по балалайке!
— «Ночь раскрыла сарафан,
Светят груди молодойки!»

Богини

I Богини

Их было две по сторонам балкона,
Отрытые из древнего кургана,
Две бабы каменных, широкоскулых
И с плоским носом – две огромных глыбы,
Запечатлевших скифский вещий дух.
И милый дом, восставшие от праха,
Вы сторожили, мощные богини,
С улыбкой простоватой и жестокой
На треснувших, обветренных губах...
Одна была постарше, с вислой грудью.
Ее черты казались стерты влагой:
Быть может, сам великий, синий Днепр
Ее терзал в порыве покаянном, —
Владычицу греховную зачатий, —
И мчал к морям, с порога на порог.
Другая, юная, еще хранила облик
Девический; граненых ожерелий
Тройная нить ей обнимала шею,
Округлую и тяжкую, как столп.
О, серый камень, как томил ты дивно

Ваятеля, — как мучил он тебя,
Чтобы мечту пылающих ночей
Привлечь к твоим шероховатым граням!
Когда ко мне прекрасная хозяйка,
Чуть улыбаясь, шла с балкона, в блузе
И пышных локонах, кивая головой,
И становилась, опершись на плечи
Одной из двух таинственных богинь, —
О, что тогда в груди моей кипело...
Я слышал речь ее, с едва заметным
Акцентом польским, целовал персты
И увлекал от каменных чудовищ
К террасе, завитой плющом тенистым...
А там, внизу, они стояли грузно,
И каменные плечи их серели
Непобедимой, вечной, мертвой мощью...

II

В осьмнадцать лет

В мой городок из северной столицы
Глухой, метельной ночью я скачу
Услышать смех двоюродной сестрицы.
Я юный ус порывисто кручу,
Бубенчикам залиvistым внимаю
И ямщику нелепости кричу.

Оборотясь, кнутом он машет: знаю!
(А борода – как глетчер, и в глазах
Лазурное приветствие читаю.)
Вкруг фонарей танцует снежный прах;
Дымится пар над крупами лошадок
И свищет ветер в гривах и хвостах.
И этот свист, как голос лирный, сладок
Под сводами торжественных ворот
(Являющих возвышенный упадок).
Вот белый дом. И здесь она живет...
Молчите, бубенцы! И тихо мимо
Дверей заветных он меня везет.
Горит душа, больной тоской томима,
И к лону нежной девушки мечта —
В осьмнадцать лет! – влечет неудержимо.
«Теперь скачи!..» Знакомые места:
Дрема домов, что выбиты навеки,
Как в бронзе, в детской памяти. Креста
Серебряное пламя; шар аптеки...
Там – сад во мгле... Все за сердце берет!
И грезится: вот приоткроет веки,
Шепнет: «целуй!» и как дитя уснет.

III

Ребенку

Смеясь идешь, но с твоего пути
Я сторонюсь и, головой качая,
Шепчу:
– Дитя, повремени цвести.
Не раскрывайся, роза, ласке мая!
Они страшат – твои тринадцать лет
И этот профиль горного орленка,
Глаза огромные – их тьма, их свет, —
И алость губ, очерченных так тонко,
И платьице в широких кружевах...
Скажи мне – зеркалу ты верно говорила
Слова любви с улыбкой на устах?
И мать печальная, не правда ли, бранила
За долгий, нежный и пытливый взгляд?
Не прекословь... Склоненные ресницы,
Сокройте ясные глаза отроковицы:
Пусть тайну женскую до времени хранят.

IV

Маргарите Бородаевской

Ты помнишь ли тот день, когда в саду отцовом
Вдруг изнемог наш смех... И ты была в лиловом
И с лентой венчиком, и голос твой звучал
Как сладостный рожок среди вечерних скал;
А клены стройные сквозистыми перстами

Гасили острый луч и зыбились над нами, —
И падал изумруд – и вспыхивал и гас
Зеленый огонек полуоткрытых глаз?
Я полюбил узор простых и плавных линий,
И ты казалась мне забытой героиней
Романов дедовских, чью древнюю печать
Досужим вечером так сладко пробегать
И путать тиш, похожие как братья...
И были мы одни. И многое сказать я
Хотел тебе... Но нет, нас кто-то окликнул!
И охлажденный ветер в лицо нам потянул,
И туча сизая, как чья-то дума злая,
Гнала полями тень от края и до края.

V

Лицо твое, как светлый храм,
И купол сверху – золотистый.
Как этим северным чертам
Идут и кика и монасты!
В глаза как будто смотрит бор
Зеленых сосенок и елей,
Кивая смотрит – взор во взор —
Сквозь дымку мглистую метелей.
Слова любви дрожат, текут...
В ответ едва ты двинешь бровью,
Но выются ленты и зовут

И на груди вскипают кровью.
А там – гудят колокола
От синих струй лесистой дали,
И в сердце сладкая стрела
Несет нездешние печали.

VI

Речные лилии

Вы лишь одни цветы речных холодных лилий
Душой младенческой тогда еще любили;
И праздником был вам тот долго жданный час,
Когда мы под вечер на счастье брали вас
В челнок охотничий, и вы к рулю склоняли
Два пестрые крыла персидской легкой шали;
Мы ж, властно укротив лягавой визг и прыть,
Решали, важные, куда нам лучше плыть,
Чтоб дичь сторожая – бекасы, утки, даже
Малютки-кулички (для полноты ягдташей)
Нас не почуяли, сокрытых в тростнике.
Так плыли мы втроем, качаясь в челноке,
И с весел медленных, журча, стекали капли.
За беглым плеском рыб, за взлетом тощей цапли
Следим прилежные... Вот щелкают курки, —
Весло скользит из рук... Напрасно: высоки!
И стайка серая чирят, свистя крылами,

Углом разорванным проносится над нами.
На миг забыты вы... Но зоркий синий глаз
Уж видит на волнах то, что пленяет вас:
За гривой камышей, в лучистой синей дали
Вам белые цветы любовно закивали.
Откинув локоны, вы, как бы невзначай,
Туда везете нас, и белый этот рай, —
Когда приблизимся, — с таким внезапным пылом
Охватит жадный взор, таким движеньем милым,
Ребяческим, вскочив, склоните лодку к ним, —
А шаль протянется по волнам заревым,
Чуть розовеющим, — и руки стебель длинный
Ухватят, цепкие, и вырвут с липкой тиной,
С листьями влажными возлюбленный цветок,
Что был (казалось мне) тот час уж недалек,
Тот строгий час, когда, тревожны и суровы,
Любви таинственной предать себя готовы,
Мы, побледневшие, как тайной роковой,
Упьемся этих глаз бездонной синевой.

VII

Мефистофель

Андрею Белому

В красный вечер вдоль опушки

Мне навстречу пудель черный:
Завитушки, погремушки,
Над ушами бант задорный, —
Пышный бант из ленты алой!
А за ним, как лебедь статный,
Чудо-дева колебала
Солнца пурпурные пятна.
Скромнен был жакет дорожный;
Хлыст в руке и Ритор сладкий, —
Том божественно-безбожный, —
И в глазах одни загадки.
Мефистофель с бубенцами
Вдруг залился... Вот обида!
Улыбнулась мне глазами
Чудо-дева, Маргарита.
Прянул красный луч по платью,
На губах зажег рубины...
Сгиньте, мары злой заклятья,
Наважденья сатанины!
И оделись пыльной тучей,
Провалились за ракитой:
Лик безмолвный, том певучий,
Алый бант и пес сердитый.

VIII

Идиллия

*Le jour qui plus beau se fait,
Nous refait
Plus belle et verte la terre.*

Ronsard

Отгремел последний гром.
Как вином
Упоен наш сад приветный.
Влажный лист в лучах сквозит,
И скользит
Резвый зайчик семицветный.
Тянет дым из поварской,
Над травой
Тихо стелется, молочный.
Звонкий голос прокричит,
Пробежит
Босоножка в час урочный.
Кличет желтых гусенят;
И пищат
Ковыляя вперевалку.
На балкон с тобой придем
И вдвоем
Сядем в шаткую качалку.
Книжку станем разрезать,

Пробегать
И страницы потеряем...
Прочь! Друг друга на побег
В рощу нег
Влажным взглядом призываем.

IX

Долгий день читали вы журналы,
Одиноки в недоступной комнате.
Облака уж догорали, алы,
И я думал: теперь меня вспомните.
И как были мертвы в старом доме
Бесконечные коридоры и горенки...
И с какой изнывали истомой
За окном розоватые горлинки!
Я смотрел сквозь кружево завесы
На тропинки, песком убеленные,
Слушал шепот сада, шорох леса,
Свисты кос на лугах, – отдаленные.
И когда я грустил на закате,
И обвеялись тополи дремою,
Зашуршало любимое платье
И шаги простучали, – знакомые.
Коридоры темны и пустынные.
Думал я: в переходах заблудитесь...
Ваше платье так строго и длинно.

Как от долгого дня вы пробудитесь?
И как тронете ручку дверную:
Вдруг охватят льдистыми объятьями
Тени древние — горячую, живую, —
И пройдете, звякнувши запястьями...

Х Зарево

Всю ночь над полями алело,
Как факел, тепло и светло.
Далекое где-то горело
Безвестное чье-то село.
И облак кровавые звенья
Вплетались в лазурную ночь
В тот час, как немые виденья
Плен сердца идут превозмочь.
Мы вышли... Искали прохладу...
Над клуней кричала сова...
Я верил пурпурному взгляду,
Но бледные лгали слова!
Всю ночь над равниной алело, —
Как знать, что творилось вдали?
И сердце восторженно пело
О розах ревнивой земли.

XI

Баядера

Сонет

Твоей мечтой взлелеяна химера
Высокого служения богам.
В объятия, отверстые, как храм,
Слепой хаос приемлешь, баядера.
Не дерзостно свободная гетера
Дитя учила ласкам и дарам, —
Покорствуя торжественным жрецам,
Ты возросла, священная пантера.
Твои полуоткрытые уста
Лобзаннями бессмертных славословят:
Как голубица в страсти ты чиста.
И путь из роз, смиренные, готовят
К лазури очистительной реки
В запястьях две истонченных руки.

XII

Ты, женщина любви, бегущая вольней,
Чем дикий мчится конь в безудерже степей
И, буйный, прядает, кидая вширь ногами;

Немая женщина с желанными губами,
Раскрытыми для нег, как розовый бокал,
Что в забытии моем я вновь и вновь искал!
Я знаю, – ты спешишь... Твои мерцают взоры.
Окно зовет тебя; открыты дерзко шторы
На площадь шумную, где каждый друг и брат, —
И пальцы по стеклу насмешливо стучат...
О, конь! Каким тавром плечо твое отметить
Иль бархатистый круп, чтоб, – где тебя ни встретить, —
Моя рука одна властительно легла
На холку длинную бездумного чела,
И ты пошел за мной, забыв и степь и волю,
И буйных косяков приманчивую долю?
Какой бы тайный знак мне в сердце начертать
Твоем, о женщина, чтоб, обратившись вспять,
Ты вновь пришла, любя, и, сжав чело перстами,
Сжигала кровь мою безумными словами?

XIII

Уездная

Я люблю печаль уездных городов,
Тишину ночей беззвездных, гул подков;
Площадей ленивых травы – подорожник и лопух —
И причудливые нравы пригородных молодых.
Что мне в том, что машет осень рукавом,

Льется дождь, другим несносен – что мне в том?
Переклик неугомонный ржавых труб
Сердцу, ищущему звоны, – только люб!
Сердцу, любящему струны, – лучший друг
Ночь, несущая буруны, мать выюг.
На стене моей беленой два скрещенные ружья
И портрет необметенный – будто милая моя;
Затянуло паутиной взор усталый, неживой,
И над грудью лебединой окружило как фатой.
Ударяет тихо в ставни чья рука, —
Или ты, друг стародавний, ты, Тоска?
Нежно бусы прозвенели на губах.
Этот пламень в гибком теле, детский страх!
Ах, в пурпурных этих волнах мне ли к берегу доплыть?
Ты притихнешь и подсолнух станешь робко теревить.
На груди, не позабыла, принесла стыдливый дар
И, потупясь, говорила: муж хмелен и стар...
Как любил я эти нравы молодух!
Площадей ленивых травы и лопух;
Тишину ночей беззвездных, заглушенный гул подков, —
Грусть забытых и безвестных, слишком русских городов.

XIV

Ты в дубленом полушубке
Хороша, как зимний день!
Целовал бы эти губки,

Да подняться что-то лень.
Сапоги твои расшиты,
На подковке каблук;
Брови хмуры и сердиты,
И нахохлился платок.
А глаза – что у голубки:
Не видал таких во сне...
Целовал бы эти губки,
Только жутко что-то мне.
Слово горькое отрубит
Иль ударит – не беда!
Страшно, если приголубит,
Зацелует навсегда.
Брови хмуры и сердиты,
Ходят бусы на груди...
Нецелованный, небитый
Лучше мимо проходи.

София

* * *

София, София, Небесная Дева,
Кропила и грела ты эти поля;
Но рдяные заросли вражьего гнева
Мне к лету высоко подьѐмлет земля.
София, София, Царица, Царица,
От гарпий спасешь ли твой гибнущий всход?
Взмахнешь ли серпом, светлоликая жница, —
Крылатая стая мне сердце клюет!
В победе неверной на миг взлетает
И кубком горячим упьется одна, —
Но мертвая снова, грозя, оживает
И вновь с победившей змеей сплетена.
София, София, Небесная Дева,
Царица над сонмами ложных цариц,
Исполнишь святого и правого гнева!
Сожженный к стопам твоим падает ниц...
София, София, Царица, Царица,
Еще я не кончил молитвы моей, —
Как новая сладкая, страшная птица
Резнула мне сердце ударом когтей.

Разбитое зеркало

I

Моя свирель

Моя свирель – из белой косточки:
Слезами щели прожжены.
Когда взойдут, мигая, звездочки,
И копыа льдистые ясны
Над белым и лазурным глетчером,
И зелень неба холодна, —
Еще белей холодным вечером,
Еще умильнее она.
Ко мне свирель моя запросится,
Коснется губ моих, любя;
И с ней душа горе возносится,
И с ней – ищу, ловлю тебя!
Вожу очами оробелыми:
И там и здесь – неверный свет...
И мне ль за горными пределами
Найти твой перелетный след?

II

Я не знаю, что было, как было, —
А смерть — та будет потом.
И за что мое сердце изныло,
Расскажет Архангел с мечом.
Расскажет Архангел гневный,
Потрясая пурпуром крыл,
Что очи любимой царевны
Я сам — убийца — закрыл.
А впрочем, на свитке свершений
Так много заклятых имен...
Так темны сходящие тени,
Так жуток прощальный их стон!
Не знаю, как было, что было, —
Вся мудрость моя изошла.
Кровавые смотрят светила
На холм, где царевна легла.

III

Июль пылал, и вихорь пыльный,
Крутясь, бежал и бил в лицо
И от невесты замогильной
Бросал разбитое кольцо.

Лучились жгучие осколки,
Дымился золотистый прах...
И дале вихорь мчался колкий
И где-то падал – на полях.
И где-то падал – в сизой дали,
И не восстанет никогда!
Ланиты, как июль, пылали
От грезы смутной и стыда.
А кузнецы в траве звенели,
Ковали неразрывный сплав...
И кольца новые горели
На перегибах шатких трав.

IV

Огнем пожара сожигая
Из темных, окруженных глаз,
Мою дорогу, роковая,
Пересекала ты не раз.
И как губительной стихии,
Что победить не станет сил,
Я образа заповедные
Тебе навстречу выносил.
Ты усмехалась и бледнела
И, вскинув горестно платком,
Как лиру, выгнутое тело
Топила в хаосе людском.

Тогда я звал... Но ты молчала,
И я достичь тебя не мог,
Пока ты вдруг не выростала
На перекрестке трех дорог!
И через годы, – в этой попытке, —
На перекрестке трех дорог,
Судеб таинственные свитки
Я разбирал – за слогом слог.
И ныне мне темно и сиро:
Уж не постичь твоих путей,
Ты, пламень сумрачных очей,
Ты, плоть, звенящая как лира!

V

Довольно. Злая повесть кончена
О возмущившемся рабе.
Чтоб улыбнулась ты утонченно,
Я посвящу ее – тебе.
Ты в ней проходишь, маскирована;
Но, размышляя, ты поймешь,
Зачем с прожитым согласована
Однажды снившаяся ложь.
И острия зачем притуплены
Былой снедающей тоски,
И много ранее искуплены
Пожатия твоей руки.

Не повторить, что жизнью скажется
О возмутившемся рабе;
А как узлы в ней крепко вяжутся,
Ты верно знаешь – по себе.

VI

Подошли мы к разбитому зеркалу
И глядимся, глядимся туда...
Черной трещиной лица коверкало;
О былые, о злые года!
Камнем выбит твой смех озаряющий
(Я осколок в душе схоронил).
Брежит глаз, как огонь догорающий,
Как светляк на кусте у могил.
Изувеченный резкими струями,
С омертвелым стоял я лицом.
Покрывай же его поцелуями
И рыдай о небывшем былом...

VII

Натянешь ли ты голубую вуаль,
Мерцая булавкой, – широко, округло
Откинувши руки, и смотрятся в даль

Глаза, где угрюмое пламя потухло;
Иль руку в перчатке мне молча даешь
(Там бледный кружок у ладони любовно
Моим поцелуям оставлен!) – и ждешь
И слушаешь сердце, – забилося ли ровно;
И тронешь дверную скобу и ко мне
Опять повернешься и медлишь, мечтая
О встречах давнишних, о милой весне,
И крадет румянец вуаль голубая, —
Я знаю: я нищий... И чем отплатить
За чашу, где пенится горечь разлуки?
Не этой ли позой: недвижно скрестить
Тебя обнимавшие руки?

VIII

Прогулка

*И гуще кровь становится, и сердце,
Больное сердце, привыкает к боли.*
Ап. Григорьев

Да, мы пройдем с тобой близ ветхого собора
И стену обогнем, и тот же жидкий сквер
Нас поманит иссохшими ветвями
К скамье убогой, где когда-то мы
Читали вензеля, слова – признанья
Любовников давнишних... Уж они

Те надписи забыли и затерли
Телами грузными, вкушая отдых
С детьми и няньками в закатный час.
Под нами – Тускар. В голубых волнах,
Как жимолости цвет, снесенный ветром,
Тела людей отрадно розовеют —
Бесстыдные, зовущие тела.
Там, над водой часовенка и крест,
Которому так жарко я молился;
О чем – ты знаешь... Эти вечера,
Когда луна нас мягко озаряла,
Казалась ты далекой, как луна,
Как метеор, низвергнутый на землю...
Теперь все это – правда ведь – как сон?
И, может быть, пора с холодным смехом
Резнуть ножом усталую скамью
И начертать горящие два сердца,
Которые пронзил единый вертел,
Протянутый лукавою судьбой?
Ты видишь, там – веселые гуляки,
Идут сюда... В нахохленном платочке
Девушка краснощекая... Нам нужно
Скамейку уступить. Мечтать о жизни
Они не будут, если должно жить!
И отведем глаза, затем что опыт
Неправо судит брэнную любовь.

IX

Ты, дорассветной мечтою взволнована,
Никнешь к стеклу утомленным челом.
Белое небо, печально по-новому,
Смотрится будто незрячим бельмом.
С плеч заостренных платок опускается;
Ночью греховой ты шепчешь упрек.
Жадные красные губы сжимаются,
Как на снегу оброненный цветок.
К Царству Небесному сердце усталое,
Уж не противится, тихо идет.
Но и земное свое, запоздалое,
Счастье, как крест, покоряясь, несет.

X

Солнце потоками крови горячей исходит.
Солнцем зажженные, мы улыбаемся двое.
Губы раскрылись, как рана, – и рану находят.
Солнце великое, кто твою рану закроет?
В древнем покое бесстрастья – кто прорубил тебя,
злобный,
Жизнь неизбывная, боль воспаленных зияний?
Черные, милые очи, что тайне домирной подобны,

Слезы роняют одни, но верны своей тайне...

XI

Двое

С улыбкой детских губ, раскрашенных на диво,
Он смело подбежит и, перед вами став,
Окинет взглядом вас так остро и пытливо
Глазами цвета ранних вешних трав!
И вы потянетесь к остриженной головке,
Звеня запястьями; а он, скользнув, как уж,
Докажет скоро вам, что не всегда вы ловки
И что дитя отважнее, чем муж...
Легки, затопают сафьянные сапожки;
У ваших ног, грозя, сомкнет он полк солдат,
Рукой коснется вдруг агата круглой брошки, —
И, не сморгнув, на взгляд ответит взгляд.
А вы потупитесь негаданно-нежданно,
И в сердце запоеет, заноеет, зацветет,
Как роза пурпура, зияющая рана
И бледность щек окрасит в свой черед...

XII

Если сердцу нужно приобщиться радости, —
Шелковинку нежной паутинной нити,
Что струится в крепком, ясном, синем августе,
Между мной и вами, улыбаясь, киньте.
Если скорби сердце хочет упоющей,
Только скорби жгучей – что, слепые, знаем? —
К страсти одинокой неравного товарища
Увлечете ль весело, холодная и злая?
Но я знаю, знаю... Пусть вы не поверите...
Ночь любимых глаз мне одному измерить:
Если станет жаждать сердце только смерти,
Вы одна придете смертный кубок вспенить.

XIII

Гремели, ослабев, и множились трикраты
Над сводами туманных, синих чаш
Еще зловещие, последних битв раскаты,
И в клочьях багровел простертый в небе плащ.
Стволы дубов, мрачась, как уголья, чернели;
Больной огонь под пеплом слабо тлел.
И только над крестом горе взнесенной ели
Кровавый мотылек любовью пламенел.

XIV

Осенний пантум

Разносит вихорь сумрачный глагол
Бездомными червлеными листьями.
Сойди ко мне в уединенный дол,
Коснись чела прохладными перстами!
Бездомными червлеными листьями
Пестрят овраги и сожженный луг.
Коснись чела прохладными перстами,
Заворожи снедающий недуг.
Пестрят овраги и сожженный луг.
Зеленый луч дробится в сетке веток.
Заворожи снедающий недуг,
Твой поцелуй рассеянный так редок...
Зеленый луч дробится в сетке веток.
Смешливая синица прозвенит.
Твой поцелуй рассеянный так редок...
В какую даль лазурный взор стремится?
Смешливая синица прозвенит.
Стучит желна, подъемлясь по вершине.
В какую даль лазурный взор стремится?
Ведь ты моя... Ведь ты моя – поныне?
Стучит желна, подъемлясь по вершине.
Там за холмом, трубя, манит рожок.
Ведь ты моя... Ведь ты моя – поныне?

Пусть затаен язвительный упрек.
Там за холмом, трубя, манит рожок.
Занает сук надломленной березы.
Пусть затаен язвительный упрек, —
Я жадно жду, когда прольются слезы.
Занает сук надломленной березы;
Вот дождь листов пурпуровый пошел.
Я жадно жду, когда прольются слезы.
Разносит вихорь сумрачный глагол.

XV

Рондели

1

Румяный луч из-за руин
Прощался с темною землею,
Когда склоняла над волною
Ты тонкогорлый твой кувшин.
И по тропе среди стремнин
Прошла бесшумною стопою.
Румяный луч из-за руин
Прощался с темною землею.
Я поднял твой забытый крин,
Благоухающий тобою.

Смыкались тени под горою;
И лишь в кудрях дрожал один
Румяный луч из-за руин.

2

Вас было двое меж олив.
И ты, и он в забвеньи млели.
Уж очи неба пламенели,
Был вечер грустен и красив.
У ног едва плескал залив,
И волны тускло голубели.
Вас было двое меж олив.
И ты, и он в забвеньи млели.
Домчал ли ветерка порыв
Вам нежный стон моей свирели?..
Вы лишь на звезды посмотрели,
Про землю скудную забыв:
Вас было двое меж олив.

3

Листва вздымалась под ногой
Пестрее, чем ковер востока.
Скакала пегая сорока

По сучьям яблони нагой.
Ты шла с поникшей головой
И так задумалась глубоко.
Листва вздымалась под ногой
Пестрее, чем ковер востока.
Я тихо крался за тобой,
А возле, злая птица рока,
Треща вертелась белобока,
И, будто смочена слезой,
Листва вздымалась под ногой.

XVI

Золотая минута любви как лист пролетает осенний,
Лист, что утренник меткой рукой в лазоревом небе
сломил.
Выходите же, мудрые девы, спешите на встречу
мгновений:
Скоро буря все золото вмиг свет к уступам могил.
В час крылатых свиданий забудь про ненужные, длинные
речи.
Постучится ли в маску любовь, – нет, не гони ее прочь.
День придет, и вздыхая шепнешь: день не румянит мне
плечи.
Ночи скажешь: не лги про любовь, гадалыщица нищая,
прочь!

XVII

Последний ландыш

Цикл сонетов

1

О, светлый день, едва на вешней прялке,
Дробясь, мелькнет лазоревая нить,
И пальцами холодными весталки
Подснежники ты в цепи станешь вить!
О, первый день, едва дохнут фиалки,
А над рекой слетятся, чтоб кружить
В священном танце, белые рыбалки,
И сердце вновь запросится любить!..
Но высока стена меж нами, дева, —
На камень налегла, хладея, грудь.
В глазах огни то нежности, то гнева,
А губы шепчут: «Уходи! Забуди!»
И на руках — лазурны и лиловы —
Цветы весны, как сладкие оковы.

2

Уж по кустам малиновок и славок
Весенний хор щебечет без конца, —
Плетут круги из прошлогодних травок,
И сладко быются нежные сердца.
Взгляни: клювы острей твоих булавок,
В их горле медь и сила бубенца...
Приобрати нехитрый сельский навык
Узнать по песне каждого певца.
Ах, приготовь душе своей тропинки,
Где можно сбросить иго тайных мук
И позабыть о скорбном поединке
Безжалостно сплетенных страстью рук,
Когда сердца покорны и усталы,
Как две ладьи, гонимые на скалы.

3

Ты, бархат глаз! Истомная кручина
Смешливой речи: «брат, твоя сестра,
В саду тобой забытая вчера,
Уснула на скамейке у жасмина»...
Сменяет грусть насмешливая мина.
А я в ответ: «душисты вечера,
Приветен сад и алых туч игра,
Но я хочу, чтоб ты была – едина.
Чтобы душе взволнованной моей
Твоя душа бездонное открыла,

Пока ты спишь в жемчужной мгле ночей.
Так я склоню далекие светила,
Едва, как маг молитвенно-немой,
Приблизу твердь взыскующей трубой».

4

Как ягода кровавой белладонны,
Упало солнце. И вечерний гром
Прогромыхал над меловым бугром,
И зазмеился бледный лик горгоны.
Перед крыльцом белели вдруг колонны,
И снова меркнул старый, тихий дом.
И лишь в окне, под гофренным чепцом,
Качала тень докучные поклоны.
Уснешь ли ты? Скажи – твоя мечта
По-прежнему крылата и чиста?
Иль грозный ликдохнул своей отравой;
И сон бежит отяжелевших век,
И грезишь ты, как в оный день Лукавый,
Нас проклянув, соединил навек?

5

Весна спешит, и быстрокрылый лет

Никто – увы! – остановить не может.
Я весело колол последний лед, —
Последний ландыш сердце мне тревожит!
И каждый цвет склоняет в свой черед
Усталый взор, – да солнце приумножит
И расцветит и возлелеет плод.
Благословен, кем круг Господень прожит!
Но никогда с беспечною жены
Ты не сомкнешь кольца твоих объятий,
И двое мы – предатели весны.
О, шепоты безрадостных закланий!
Вы, губы нег, язвите горячей
Полудня обеспложенных степей!

XVIII

Ночь

*Пусть подразнит – мне не больно,
Я не с ним, я в забытьи...*
Ин. Анненский

Еще мертворожденный день
Костлявыми руками скошен.
И Ночь мою торопит лень,
Затем, что сам себе я тошен.
Она тиха, она черна,
И поцелуй ей не внове:

Она – законная жена
В задрапированном алькове.
Прольет холодного свинца
Она мне в мозг – и веки тронет,
Морщины темного лица
Короной фольговой разгонит; —
И до полудня я готов
Внимать бездумно, недвижимо,
Как с реверансом ряд послов
Шуршит, прихрамывая, мимо.

Итальянская призма

Вячеславу Иванову

I Фрески Сонет

За фресками безумная охота, —
Я не знавал нелепей ремесла, —
Нежданно нас в больницу занесла:
Наш гид был строг, и нам была работа!
Искусство и больница, — странно что-то...
Но красота усталая звала,
А мы – за ней... Когда б не эта мгла,
Да запахи, да жуткая икота!
Смутясь глядишь, как тлеют угольки
Былых миров... Как детских две руки
Переплели сведенные колени.
Довольно, прочь! Но гид не досказал:
Перед стеной, где мальчик угасал,
Тут был алтарь, и вот к нему – ступени.

II

Двулика

Торговка низкая, едва бледнеет день,
К воротам бронзовым Марии дель Фиоре
Ведет красавицу – на верхнюю ступень.
Толпа снует... Толпа оценит вскоре.
Спешит зарисовать божественный овал
Какой-то юноша, раскрыв альбом украдкой;
Пылал огонь в глазах, и карандаш дрожал,
Как шпага, обессиленная схваткой.
И нет ее... Ушла. – А старая все тут,
Змея пригретая... Мгновенья грезы – где вы?
Он закусил губу и в несколько минут
Мегеру набросал на нежный абрис девы.

III

Падающая башня

Точно в платье подвенечном тонкий стан ты преклонила;
Или вправду ты – невеста, золотая кампанила?
В кружевах окаменелых, в многоярусных колоннах,
В этом небе густо-синем ты мечта для глаз влюбленных!
И когда спиралью шаткой я всходил, и сердце ныло,

Близко билось чье-то сердце – не твое ли, кампанила?
В бездну падали колонны, и над сизыми холмами
Облака сплывались в цепи и кружились вместе с нами.
И я думал: там за далью целый мир пройдешь
безбрежный, —
Чуда равного не встретишь этой девственнице нежной!
И я думал: чары знаешь, а напрасно ворожила:
Будешь ждать его веками, не дождешься, кампанила!

IV

В Полдень

Ты к площади, где в жар томительный
Отраден сумрачный платан,
Идешь походкою медлительной,
Перетянув осиный стан.
Как ты бледна под синью черною
Любовно глаженных кудрей!
Я узнаю тебя, упорную,
По самой тихости твоей...
Шумят подруги с водоносами,
Звонка певучая струя;
Они со смехом и вопросами
Все льнут к тебе, любовь моя!
А ты, блаженная, ленивая,
Тебе их речи – нипочем?

Ведь он не лжет, что ты красивая,
Холодный, ясный водоем?

V Сиенский череп

Он

– Говорит мне череп из Сиены:
«Всем конец один убогий уготован.
Помни, помни – поцелуйи тленны,
Кто предастся им – будет скован».
Желтый череп блистает на славу,
Злым оскалом угрожают эти зубы;
Он в любви нашей видит забаву,
Говорит, что радости – грубы.

Она

– Милый, нет: «Поцелуйи мгновенны,
Не теряйте дни золотые!»
Так смеется мне череп из Сиены:
«Вы, холодные, слепые и глухие!»

И еще я слышу другое:
«Что вы знаете о страсти настоящей?
Небо нас лобзало голубое,
Оттого мы целовались слаще».

VI

Эпилог

По улицам извилистым, как расщелины скал,
Как узкие расщелины, жилища горных фей,
Ночами полнозвездными один я блуждал
Среди домов торжественных, где не было людей.
Казалось, то не улица, а волшебницы нить;
Казалось, по-над плитами, светясь, бежит клубок.
И было мне так счастливо и привольно жить,
Ночами полнозвездными вдыхая ветерок.
Змеилась нить, вела меня – уводила под уклон
Туда, где своды мшистые одели водоем.
И, как струя холодная, охватил меня сон.
И снился мне прекрасный лик, и были мы – вдвоем.
Сказала мне: «мы в городе, где не было людей.
Здесь в ночи наши звездные, под дремный струйный гул,
Скользим мы, тени белые, с крылами лебедей.
Молись, чтобы в моих руках навеки ты уснул»...

Стихотворения, не вошедшие в основные сборники

Из сборника «Страстные свечи: Стансы» СПб., 1909

Солнце-лира

Федору Сологубу

Солнце-лира!.. Со струн золотых,
Где зачался хорал мироздания
И творящий восторг не затих,
Льется песня святого страдания.
И когда в первый час раздались
Под предвечной Рукой эти звуки, —
От огней твоих, Лира, зажглись
Все миры, все обители муки.
Под стенанье пылающих струн
Понеслись круговыми стезями
Сонмы тусклых планет, бледных лун

И комет с голубыми крылами.
И чем громче аккорд, чем больней
Затрепещет под властной Рукою,
Тем свободней, любовней, полней
Мир сольется с надмирной Душою.

1903

* * *

– Отведи синие шторы.
Стукнули. Выглянь немного.
– Чьи-то тяжелые взоры
Смотрят строго.
– Рукой поманил он, стена,
Согнулся и мягко отпрянул...
– Выйдешь ли? – Ночь ледяная.
– Выйдешь ли? – Канул...
Запахнулись синие шторы.
– Не гляди так больно и строго.
– Ах, не скоро, не скоро
Добредем до Бога...

1907

Серенада

Дробным дождем,
Золотистым дождем освежало меня.
Пел я под милым окном,
На гитаре звеня.
И к окну подошла посмотреть,
Кто поет под дождем.
Розу бросает смеясь,
Пышно зардевший цветок.
Как я запел веселясь!
Вышла ко мне на росистый лужок.
Юноша, строен и смел,
Хлыстиком тронул цветок.
Юноша строен и смел,
Томную деву победно кружил.
Струны щипал я и сладостно пел,
Словно колдун ворожил.
Строфу кончаю – зажгу поцелуй.
Пел – пламенел.
Солнечным пылом возжег
Двое сердец...
Только уж я изнемог —
Песне конец.
Вот оборвалась струна.
Утренний сон мой далек...
Замер последний аккорд.

Птицей взлетел на коня
Юноша, строен и горд.
Хлыстик целует и мчится склонясь...
И, не взглянув на меня,
Тихо к себе поплелась.
Плача, я ждал у окна.
Вот показалась она.
Очи пылают огнем.
Грозно качнула перстом...
— Будь же ты проклят навек! —
Дрогнули ставни окна.

Зарница

Мы вышли к берегу. Темнело. У реки
Был тот же тяжкий зной. Суровыми тенями
Покрылась даль, и черных туч клоки
Неслись разбитыми грядами.
Аллея вязов, словно две стены,
Во мгле ночной теряла очертанья;
А смутный гул ветвей и плеск волны
Сливались в трепет ожидания.
Как снег бледна, в короне черных кос,
Она глядела вдаль, загадочно немая,
И на груди гирлянда чайных роз
Дышала, тихо увядая.
И к мраморной руке устами я приник.

Я говорил: — Люби меня, царица. —
Она не вздрогнула... Но в этот миг
Синея вспыхнула зарница.
Зарница беглая мелькнула вдалеке, —
И взоры, полные зловещего покоя,
Зажглись, как меч в закованной руке
Непобедимого героя.

1899

Странник (ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ)

— Будь господин, — вот лучший лозунг мой.
Спокойно странствуй в пламенной пустыне.
От полдня жгучего укутанный чалмой,
Пей воду из ключей, молись перед зарей, —
Из камня грубого не сотвори святыни!
Будь господин душе своей мятежной;
Иди вперед и благодарен будь,
Когда к тебе, на твой кремнистый путь,
Скользнет красавица, блестя улыбкой нежной;
Люби ее на миг и тотчас позабудь!
Но если, раненый, ты изнемог в пыли, —
Страдай один... Молчи! И не моли
Ты у людей холодного внимания;
Гляди: вот лютый барс. Уже вдали

Он чует кровь твою и полон сострадания!

1898

Роза и лилия

Девушка в белом: «Он любит тебя.

Слышишь, как жалобно струны дрожат?»

Девушка в розовом: «Любит тебя.

Помнишь вечерний зардевшийся взгляд?»

Девушка в белом: «Он ласков со мной,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.